

ЭКСПАНСИЯ

The background of the cover is a dramatic space scene. A man with dark hair and a beard is shown from the chest up, sitting in a futuristic cockpit. He is looking out of a large window at a massive, complex alien structure that resembles a giant city or a massive machine. The structure is built on a dark, rocky surface and has various levels, platforms, and a large, glowing blue energy source. The sky is a mix of blue and orange, suggesting a sunset or sunrise. The overall tone is sci-fi and epic.

Роман
ЗЛОТНИКОВ
АНТОН
КРАСНОВ

[**ЛЕННАР**]
ПСЕВДОНИМ БОГА

Антон Краснов
Роман Валерьевич Злотников
Псевдоним бога
Серия «Леннар», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160739

Псевдоним бога: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-41418-3

Аннотация

Был только один способ спасти население гибнущей планеты Леобея: построить гигантские звездолеты и отправиться на поиски нового мира. За этот проект, названный «Врата в бездну», выступали ученые, чиновники и Леннар, глава Гвардии Разума. Но были и противники – жрецы религии Купола. И случилось худшее: на борту одного звездолета оказались сам предстоятель Купола, наместник Неба Зембер XV, и его приспешники...

«Псевдоним бога» – третий роман фантастического цикла «Леннар».

Не прошло и месяца после того, как сбылось страшное пророчество, записанное в Книге Бездн. Храм Благолепия по-прежнему противостоит Леннару и его сторонникам, но на Корабле появилась и третья сила – в Горне, столице Ганахиды, возрождена древняя еретическая секта сардонаров,

не признающая никаких этических норм. А в иллюминаторы Корабля уже видна голубая планета с одним безжизненным спутником, так похожая на давно утраченную Леобею...

Содержание

Пролог	5
1	5
2	12
Глава первая	19
1	24
2	41
3	49
Глава вторая	61
1	61
2	78
3	96
Глава третья	114
1	115
2	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Роман Злотников, Антон Краснов Псевдоним бога

Пролог Священные знаки *Ближе к финалу описываемых событий*

1

Голова слетела с плеч и в тонкой сеточке брызг подкатилась к ступенькам помоста, застеленного толстой ворсистой тканью. В тот момент, когда окровавленный лоб коснулся ткани, на еще живом лице расцвела счастливая и нежная улыбка. Дрогнули уголки губ, и улыбка, замерев, осталась навсегда. Разнесся ритуальный возглас, исполненный высоким женским голосом:

– Он *нашел!* Будь славен путь Ищущих Его и освобождения!

Многоустый Акил, тот, кто шествует рядом с пророком, предводитель славных сардонаров, поднял взор к священной тверди небес и радостно вскинул руки.

В этот восход начался праздник Священного червя, или Гареггой, и день обещал стать насыщенным зрелищами, красочными и кровавыми обрядами и жертвенными песнопениями у столпа Символа веры. По случаю наступления празднества Акил с самого утра находился в прекрасном расположении духа и смеялся, запрокидывая голову, показывая тесно посаженные белые зубы. А чего бы ему не смеяться? Ведь Он явно благоволит тем, кто на протяжении сотен и сотен лет был верен и непоколебим. Ибо как иначе можно объяснить, что те, кто давно считался мелкой, ничего не значащей сектой, как возглашали эти погрязшие в ереси и высокомерии святоши, «вошью на теле мира и Храма», ныне встали практически вровень с ними. И Акил был совершенно уверен, что это *вровень* только пока...

Впрочем, сейчас было время не рассуждать, а праздновать. Акил опустил руки и повернул голову. Перед ним стоял молоденький воин в узких кожаных штанах, шнурованных на щиколотках и левом бедре, и с приятной улыбкой пропускал острейшее лезвие через собственную руку. Проверив таким образом клинок на собственной плоти, он легко и умело подхватил отрубленную голову на кончик сабли и бросил ее в котел, из которого, словно танцующие замороженные змеи, тянулись, извиваясь и распадаясь на коль-

ца, несколько струек металлически поблескивающего дыма. Акил неспешно выговорил:

– Ну, Илам, каков он, мир без боли?

Юноша, рассматривающий свою изуродованную ритуальным проколом руку, тонкую, мускулистую, с по-детски гладкой и нежной кожей, ответил со смешком:

– Как всегда, мудрый Акил, светел, как имя Леннара, жаждущего Избавления!

При упоминании этого имени Акил оскалил зубы и, чуть привстав на своем месте, заговорил нараспев и с тем отстраненным выражением, что безошибочно свидетельствовало – сейчас он вещает не от своего имени, а от имени божества:

– «Те, кто внимает мне тайно или явно! Сколь долго должен я изнывать в темнице тела, избранного теми, кто ищет унижить меня? Темница бога – разрушь ее. Убей бога – освободи бога!»

В этот момент в толпе, начинающейся у края помоста, послышалось недовольное ворчание, а затем кто-то торжественно возвестил:

– К тебе гонец с донесением, многоустый Акил, подлинный победитель лже-Храма, заклинатель слов, шествующий рядом с пророком!

Акил нахмурился. То, что вождя сардонаров назвали не только по имени, но и с приложением всех действующих сакральных эпитетов, говорило о важности принесенного гонцом сообщения. Несколько десятков человек, присутствующи-

щих в одном зале с Акилом, одновременно обратили свои взгляды к темному арочному проему в ребристой стене. Оттуда и должен был войти объявленный гонец. Пещеры Пустоты издревле служили убежищем многим поколениям беглецов, но сейчас они почти официально стали столицей сардонаров. Впрочем, Акил знал: пока больше из-за того, что Храм был слишком занят борьбой с Ним, но это только пока...

Акил жестом приказал впустить того, кто принес важные вести. В сводчатый зал, в котором восседал Акил, один из двух соправителей сардонаров, скачущей походкой вошел человек в длинной мокрой накидке, рябой, с длинным шрамом, тянущимся через все лицо. Его так и звали... впрочем, мудрому Акилу совершенно недосуг интересоваться этим именем. И как показали последующие стремительные события, он был полностью прав.

– Мне, – дрожащим голосом начал гонец, и подпрыгнула предательская дряблая нотка, – стало известно, многустый Акил, что Обращенные готовятся уйти через шлюз в Великую пустоту. Мне известно время, когда Леннар будет в шлюзе во главе горстки своих людей. Ведомо, что Обращенных будет не больше сотни, а то и меньше. Правда, среди них ожидается около трети свирепых наку, личной охраны великого Леннара... Но уверен, и четырежды уверен я, что твои *гареггины*, о Акил, совладают с ним, как совладали они с лучшими из Ревнителей Горна!

– Откуда эти вести? – спросил Акил, не глядя на гонца. – Верен ли твой источник?

– Верен, мудрый! И вот еще что... – Из приглушенных хрипловатых ноток голоса гонца выткался шепот: – В твоём воинстве засел лазутчик. Он гораздо ближе к тебе, чем ты думаешь.

– Кто он?

– Я назову тебе и его. Я также поведаю тебе о времени и о месте, где великий Леннар с ближними... – Он понизил голос и сделал предостерегающий знак.

Акил велел соратникам отойти подальше. Выслушав тихую речь, многоустый удовлетворенно кивнул, встал и, спустившись по красиво забрызганным кровью ступеням, по мягкой ворсистой ткани ковра приблизился к вестнику, ожидавшему невиданной награды. Все знали, что сардонеры не жалеют ни монет, ни иных богатств. На широких плечах вздрагивали складки плаща; обе руки Акила были под этими складками. Гонец, моргая, смотрел на вождя сардонеров.

– Хорошо, – мягко проговорил Акил. – Хорошо, – повторил он, выпрастывая из-под плаща правую руку и кладя ее на голову склонившегося к нему гонца, который сейчас же шепнул ему несколько слов на ухо. – Я доволен. Значит, теперь я буду знать, где и когда искать Леннара. Я давно хотел воздать нашему божеству высшие почести, но еще не был вытянут счастливый жребий, а теперь он явился, и я доволен. Благодарю тебя, гонец. Ты выдал мне нашего бога головой.

Благодарю! Благодарю тебя.

И Акил, выбросив из-под складок плаща вторую руку с маленьким кинжалом, вонзил клинок в глаз гонца. Без единого звука гонец повалился к ногам Акила, сведя в агонии руки, словно хотел обнять колени могущественного сардонара. Акил остался на месте. Спокойно и величественно он дождался, пока перестанет вздрагивать еще теплое тело, а потом – почти неуловимым для глаза движением – вскинул перед собой скрещенные руки в священном жесте сардонаров и, поднеся к лицу стиснутые кулаки, произнес:

– Что я должен был сделать с человеком, который предал нашего бога? Предал, чтобы мы освободили Леннара из темницы его тела? Гонец, принесший весть такую страшную и такую прекрасную... Убийца! Предатель! Убийца!

Акил выкрикивал это, почти закрыв глаза, его веки вздрагивали, открывая узенькие полоски глазных яблок, а губы блестели, будто их жирно смазали маслом. Те, кто находился ближе к Акилу, придвинулись к нему, словно хотели согреться от того огня, от бушующего пламени, что сжигало тело их вождя экстазом завораживающих слов, дерганных, изломанных жестов и предчувствия неминуемого возмездия. Акил еще не закончил речь, а по всему огромному дворцу, по всем переходам, коридорам и галереям зашелестело, забилось и зашипело – одно и то же известие, одни и те же быстрые слова:

– Леннар! Акилу стало известно, где искать Леннара!

Убей бога, освободи бога!..

Абу-Керим отряхнул с колен приставшую к ним пыль и крошки и вопросительно взглянул на стоявшего перед ним человека. Такие люди давно не появлялись в скромном убежище Абу-Керима. Гладко выбритый, в строгих брюках и скромной серой рубашке, гость до боли походил на средне-европейского обывателя, сытого, равнодушного – такого, каким Абу-Керим желал бы видеть его мертвым у своих ног.

– Аллах велик! Приветствую тебя.

– И тебе здравствовать, – спокойно кивнул Абу-Керим, встав к гостю вполоборота. – Зачем пришел?

– Я принес тебе интересные вести.

– Ну говори, раз дал себе труд приехать ко мне. Хочешь опиума? Я нынешние модные не употребляю... Вот немного старого доброго мескалина есть. Правда, слабенький он...

Посетитель не поддержал наркотическую тему. Он сказал:

– У меня есть для тебя заказ.

Абу-Керим, не поворачиваясь, ответил:

– Я больше не работаю. Я распустил свою группу. Я даже не знаю, где они сейчас.

– Зато я знаю. Не спеши с отказом. Это интересная работа. Это очень интересная работа, такой еще не было. Быть может, шанс получить именно такую работу никогда не появится ни у тебя, ни у кого бы то ни было из живущих. И это

не просто красивые фразы.

– Ты слишком многословен.

– На предмет нашего разговора может не хватить никаких слов. Впрочем, возможно, ты и прав, уважаемый Абу-Керим. Или лучше называть тебя...

– Лучше называй меня моим нынешним именем. Ведь я же не называю тебя вообще никаким.

– Хорошо. Судя по твоей двери и еще некоторым признакам, ты не выходишь из дома вот уже около двух месяцев, не так ли? Я датирую время твоего своеобразного отшельничества шестью с половиной – семью неделями, приблизительно со Святого вечера благословения Аль-Бараа, когда Аллах принимает решение о судьбе каждого человека с учетом его благочестия и высказанных в молитвах просьб. У тебя вырваны телефонные провода и телевизионный кабель. И потому ты можешь оказаться одним из немногих, кто ничего не знает о том, что сейчас больше всего волнует весь мир.

– Меня не волнует весь мир. И еще больше меня не волнует то, что волнует этот мир. Я ясно изложил?

Гость медлил с ответом. Быстрым взглядом он окинул примечательное жилище Абу-Керима. Зрелище было в самом деле впечатляющим. Единственная комната имела вид совершенно чудовищный. Стены, обклеенные древними, лохматыми обоями, напоминающими чешую снулой рыбы, ошетинились усиками оборванных в нескольких местах телефонных проводов. Дополнительную эстетичность обоям

придавали приколотые к ним портреты известных политических деятелей вперемешку с пучеглазыми неграми в чалмах и без, усатыми арабами в клетчатых платках, гологрудыми девицами всех мастей, а также издевательскими открытками на нескольких языках мира. Открытки были перемазаны кетчупом, что затрудняло восприятие, но усиливало визуальный эффект. Там и сям в стенах торчали дровишки и металлические ножи, на которых непринужденно висели полотенца, нижнее белье, пара алюминиевых кружек и даже чудовищного вида огромный обшарпанный черный противогаз, похожий на звезду НБА Шакила О'Нила. Мебель, помимо длинного, низенького, в нескольких местах провалившегося дивана, отсутствовала. Из длинной и опасной темной щели, обозначающей вход в кухню, несло гарью. Но даже эта гарь не могла скрыть того факта, что на кухне что-то разлагается. За диваном виднелась массивная крышка люка, сколоченного из грубых тесаных досок. По полу тянуло сквозняком. У стен сквозняк был таким сильным, что перекачивал по грязному драному линолеуму несколько мутных ампул с отколотым горлышком. На валике дивана висел разложенный ноутбук, брошенный экраном вниз. На корпусе ноутбука стояла банка с мутной желтоватой жидкостью, издававшей едкий запах. В жидкости этой плавало что-то похожее на размокшую желтую бумагу, подпаленную с краев.

– Да, куда уж яснее, – сказал гость, и это был то ли ответ на уже изрядно подзабытый вопрос уважаемого Абу-Керима,

то ли впечатление от увиденного. — Что ж...

— Я вижу, тебе не нравится мой дом, — сказал Абу-Керим. — Конечно, я мог бы купить себе особняк в квартале Дефанс. Или виллу на Лазурном. Но зачем? Роскошь — ненужный до-весок к быту, а быт и без того утомителен. Выйдем на ули-цу. Ко мне не любят ходить в гости. В предпоследний раз у меня в гостях был один негр. Я подарил ему свой телевизор. В последний раз был он же, тогда я проломил ему башку. В третий раз он не приходил. Наверное, умер или поумнел. Вот, пришел ты.

С этими словами Абу-Керим снял со стены противогаз, похожий на О'Нила, и надел его. Довольно внушительная бо-рода нисколько не помешала этому эксцентричному поступ-ку.

— Он не мешает мне слушать, — прозвучал приглушенный голос хозяина дома. — Я всегда хожу в нем на улицу. Хочешь мескалина? Еще есть квалюдес. Да, и опиум. А в Аравии, помню, мы делали отличную вещь на основе вытяжки из че-ловеческой поджелудочной железы. Или из надпочечников — забыл вот... Но сейчас, извини, ничего такого нет.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался человек в серой ру-башке, ничуть не смущаясь поведением и предложениями Абу-Керима. — Пойдем поговорим. Ты ведь говорил, что за-ставить тебя вернуться к работе может только нечто чрезвы-чайно интересное, яркое. Вроде официального заказа Мос-сада или гласа с неба.

– Что, из Моссада?..

– Нет, с неба, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил гость. – Речь пойдет о *священном знаке*. Это мы с тобой можем толковать происходящее сколь угодно вольно. Но те, кто верит безоговорочно и неистово... Болваны! Словом, пройдемся.

Они гуляли по заполняющемуся сумерками опасному иммигрантскому кварталу около получаса. На противогаз никто из редких прохожих не обращал внимания. На содержание разговора тоже: говорили по-русски. Только дважды прерывали беседу двух мужчин. Жертв почти не было...

Во время этого разговора гость Абу-Керима несколько раз показывал пальцем в нездоровое темно-серое небо, туда, где висел кривой тощий рог убывающей луны.

Наконец вернулись в дом. Тут в руках гостя Абу-Керима невесть откуда возник невзрачный черный чемоданчик, который он положил к ногам хозяина дома и пояснил:

– Тут все, что потребуется. Деньги на расходы, документы, визы. Контакты. Необходимая информация. Все.

– Я понял.

Человек в серой рубашке уже совсем было вознамерился уходить, как вдруг Абу-Керим, догнав его на выходе из дома, придержал рукой за плечо и, почти насильно развернув к себе, размеренно произнес:

– Вот что. Я сначала полагал, что мне необязательно знать сейчас, заказ есть заказ, и дополнительные сведения ни к че-

му. Я уверен, что ответ на мой вопрос легко узнать не только из содержимого этого чемоданчика, но все же... Я не дикий бербер из пустынь Алжира и не обезьяна, которая только что спрыгнула с африканской пальмы, перебралась в Марсель или Париж по французской иммиграционной визе и приняла ислам. Все-таки я учился в Москве и в Нью-Хейвене... Что *там* такое на самом деле?

– Я больше удивлялся, отчего ты до сих пор не задавал этого вопроса. Там, на орбите Луны, огромный корабль пришельцев. То, что мы условно называем звездой, – по-моему, элемент освещения корпуса или фрагмент силового защитного поля, что у них уж там в ходу? Сейчас близится новолуние, а вот еще несколько дней назад этот корабль можно было видеть невооруженным глазом. Такая маленькая тень на фоне освещенной поверхности Луны, маленькая тень, настоящие размеры которой страшно представить...

Абу-Керим давно ничему не удивлялся, а если и проклевывалось в нем это редкое для него чувство, то ни единым жестом или мимическим движением не проявлялось. Вот и сейчас он кивнул и поднял глаза к небу, туда, где рядом с серпиком тающей луны едва заметно мерцала тщедушная зеленовато-бледная звездочка.

– Грядут интересные времена, – наконец сказал он, возвращаясь к дивану и pinkом отправляя ноутбук в угол, а потом склоняясь головой к диванному валику.

– О, не сомневаюсь, уважаемый, – немедленно отозвался

ГОСТЬ.

Глава первая

Горький опыт

из хроник королевы

<...> Еще недавно они не знали, где живут.

Еще недавно они с разной долей смирения или гнева считали свой мир совсем другим. Тем не менее они чувствовали себя дома. Теперь же, с появлением Леннара, Академии, Обращенных, все переменялось, все смешалось, как переменялась и, быть может, замутилась и моя собственная сущность. Нет, я не сетую и не жалею. Я сама сознательно пошла по этому пути. Я узнала о моем мире много, быть может, слишком много. По сути, он не изменился, этот мир, лишь был узан нами с другой стороны... До появления Леннара мы считали, что наш мир – это огромный орех, разделенный пресветлым Ааааму на несколько частей, одна над другой – Верхние и Нижние земли. Стены Мирового Ореха отделяют наш, обитаемый, мир от Великой пустоты. Мы считали, что наш мир явлен нашим предкам милостью светлого Ааааму, того, чье истинное Имя неназываемо. Но что же?.. Что изменилось в устройстве нашего мира после того, как мы узнали: это огромный звездолет, плывущий в Мировой пустоте Корабль, сработанный пятнадцать веков тому назад соплеменниками Леннара при участии его самого? Просто

изменились понятия, наименования: вместо Мирового Ореха – Корабль, вместо древних богов-демиургов – строители из плоти и крови, однако же заслуживающие стать богами за свой подвиг великого строительства. И, вот ирония, он действительно был детищем пресветлого Ааааму...

<...> Я совершенно уверена, что Храму было известно истинное положение дел. Пусть эта истина была не столь ясной и незамутненной, как та ее ипостась, что вложена в уста Леннара. Иначе как смогли бы иерархи Храма управлять нашим миром долгие века, не зная хотя бы части его секретов, его потаенных ядер? Конечно, такая тайна не может быть соблюдена совершенно, и что-то просачивалось... И в народе достаточно умных людей. Некоторые из этих людей осмеливались проникать в запретные места – Язвы Илдыза, которые являются очагами древних техногенных катастроф, ранами на теле нашей земли. Некоторые даже рисковали шагнуть в самую пасть древним дьяволам – попросту оказаться в зоне действия разрушенных много веков назад транспортных порталов Корабля... Те, кто выживал и выносил из Язв запретное знание, немедленно объявлялись Храмом еретиками и умертвлялись...

И что же теперь? Мир разорван надвое. Он охвачен смятением. Я видела... Не забыть, как под ногами разверзлась Бездна, разорвавшая надвое мою столицу, мой любимый Ланкарнак... И кому объяснить, что это всего-навсего отошла гигантская платформа, скрывающая под собой головной ре-

актор двигательных систем. В чьей безумной голове уложилось бы все это еще совсем, совсем недавно? Порой я сама ловлю себя на мыслях о былом, о том, как спокойно и предсказуемо текла жалкая жизнь моего народа. Я ловлю себя на том, что иногда, редко-редко, но сожалею о прошлом, и ругаю себя, и клянусь за малодушие, и вспоминаю Леннара и тех, кто вышел вместе с ним из умопомрачительных бездн прошлого... Они пролежали в своих охранных саркофагах полтора тысячелетия и лишь несколько лет назад встали, но сейчас они больше похожи на живых людей, чем многие из нас, рожденных в обозримом и недавнем прошлом...

<...> Люди, люди! Земляки... Мои милые и трогательные подданные. Их жизненный уклад был неспешен, прост и даже убог. Да и что я знала о жизни простых людей? Узнала только теперь, когда все завертелось. Многие из этих людей сейчас выглядят как безумные. Крестьяне, воины, торговцы, ремесленники, сборщики железа, даже сословная знать... Быть может, кто-то из них является безумным на самом деле. Отчего нет? Отчего не сойти с ума, если мир вокруг тебя и даже та его часть, что заключена в тебе самом, вдруг оказывается совершенно иным? Другим. Страшно другим. И недавно казалось, что утвердившийся миропорядок вечен, и пусть живут в нем несправедливость и жестокость, но это *наши* несправедливость и жестокость, те, с которыми ты давно свыкся. Потому что убедился в незыблемости столпов своего мира. И вот столпы эти: Храм, олицетворяющий собой

власть и силу мира, отправляющий тысячелетний культ Благолепия; орден Ревнителей, силой насаждающий указания Храма там, где не сразу действует слово; чиновники и управители, великие и малые, кормящиеся с руки сильных мира сего. Сейчас же я слышу: «Где найти защиту? К кому обратиться? Вот говорят, что Леннар истинен и благ, что у него сила и правда, но разве нам понять его правду и то, в чем его сила? Отдайте нам нашу прежнюю жизнь!»

Стоит в ушах голос одной из Обращенных: «Кто вернет ему разум? Быть может, Леннар? Ха-ха!» Эта женщина встретила в одном из городов Арламдора со своим отцом. Старик еще недавно был бодр, полон сил, успешно торговал. Теперь же он сошел с ума и одряхлел, молча бродил по улицам и улыбался. Он беспрестанно что-то жевал... Самое печальное состоит в том, что криннский Зен-Дал, где состоялась встреча отца и дочери, – вовсе не разрушенный войной город, а один из тех, что прочно взят под крыло Обращенными. Старик-отец повредился рассудком, потому что утратил смысл существования: его маленькая бакалейная лавочка разорилась, не выдержав конкуренции с мощным продовольственным комплексом, налаженным в городе Обращенными.

Зато безумец сыт...

«Кто вернет ему разум? Быть может, Леннар?» Ну что же, глупо винить его в такой мелочи. Хотя... человеческая жизнь – мелочь? Примерно так же рассуждает и Храм...

<...> У Леннара сейчас другие заботы. Он готовится выйти в Великую пустоту.

*Арламдор, Центральный пост Корабля,
геостационарная орбита Луны*

На выразительном лице Леннара определенно рисовалось недовольство. Он в упор смотрел на застывшего перед ним Ингера, даже чуть покачивающегося в этой жесткой фронтальной стойке и время от времени заводившего правую руку за спину, словно готовясь извлечь оттуда, из-за спины, что-то необычное, способное развеять накопившиеся сомнения и снять эту маску раздражения и недовольства с лица Леннара.

– Я все-таки не понимаю, – проговорил глава Обращенных, наконец-то перекидывая взгляд от лица Ингера на полусферические экраны Центрального поста, – нет, я упорно не могу понять, отчего корабль-спутник еще не подготовлен к вылету. Кажется, я дал исчерпывающие указания и сам отработал на отладке двигательных систем и излучателей силового защитного поля несколько дней. Или я должен бросить все и ринуться в ремонтный док, взяв в руки дефектоскоп или инсталлятор? В чем дело, Ингер?

Ингер, высокий и мощный, едва заметно шевельнул плечами, здоровенными плечами потомственного кожевенника. По лицу его пробежала череда тектонических кожных складок, в которых, верно, могло бы застрять и погибнуть доволь-

но крупное насекомое. Он ответил почти бодро, стараясь не допускать в свой тон ни малейшего оттенка оправдания (уж кто-кто, а он знал, как Леннар не любит тех, кто оправдывается):

– Корабль практически подготовлен. Там возникли иные затруднения – с транспортным шлюзом.

– Кто отвечает за подготовку шлюза?

– Караал.

Леннар сложил перед собой ладони и, бросив очередной взгляд на экраны, воскликнул:

– Так почему же его до сих пор здесь нет?!

– Собственно, мы можем запросить по portalу связи и перекинуть сигнал на сам шлюз... Караал как раз там... – с некоторой оторопью заговорил Ингер и пошевелил мощными плечами. – Однако, да простит меня пресветлый Ааа-аму...

– Пресветлый... – Леннар скривился: как же они его достали...

– То есть, конечно... Леннар, – поспешно поправился Ингер.

Всем было известно, насколько Леннар не любит это обращение, но, посоветовавшись, Ингер, Кван О, Инара и остальные Первообращенные решили, что для пользы дела все же лучше именовать Леннара именно так. Тем более что это было истинной правдой.

Между тем Леннар раздраженно насупился:

– Не надо никаких порталов связи. Я должен видеть Карала лично. Или Элькана, если угодно! У этого человека так много имен, но ни по одному из них его не дозовешься! Ингер, поторопись!

– Сорок пять витков до полной остановки двигателей. Сейчас висим над освещенной поверхностью осевого тела на геостационарной орбите, – тотчас же после ухода Ингера доложил круглолицый оператор Эдер, проводя пальцем по сенсорной панели пульта и выводя на выделенный фрагмент экрана длинную вереницу цифр, а затем, мгновение поколебавшись, обратился уже не по уставному: – Но почему, *сьор* Леннар, мы не можем направить к планете сам Корабль, а совершаем оборот за оборотом вокруг спутника? Ведь согласно расчетам мы могли бы войти в атмосферу планеты уже через двое с половиной суток. Мы находимся фактически в перигее орбиты спутника... и...

Он не договорил. Из-под его руки вынырнула мышка и, дергая хвостом, пробежала сначала по руке, а потом по плечу Эдера. Мышку звали Лайбо. Точно так же, как одного из Первообращенных. Сам *сьор* Лайбо, хотя и являлся общепризнанным весельчаком и острословом, никогда не был в восторге от того, что его именем назвали маленькую серую тварь, склонную грызть аппаратуру, совать свой нос во все дыры и попадаться на глаза женщинам в самые неподходящие моменты. То есть всячески «способствовать» работе Академии и Центрального поста. Сунув мышку Лайбо об-

ратно в рукав, оператор Эдер продолжил:

– Оказавшись на орбите планеты, мы могли бы начать прямую высадку на континенты, а не опосредованную – с помощью бота-сателлита.

Леннар не ответил. Он бросил рассеянный взгляд на экраны, на которых вот уже который день выплывало одно и то же внушительное, однообразное зрелище: серая поверхность спутника, изрытая кратерами, собранная в морщины, вызывающая неуловимые ассоциации с пылью, прибитой к земле первыми каплями дождя... А дальше, там, за громадой спутника, в облепленном желтыми сгустками звезд черном пространстве, висит голубой шарик, обведенный еле заметной нежно-голубоватой дымкой. Левая половина шарика, освещенная звездой, словно пылает изнутри ровным чистым светом, а правая, теневая, куда менее однородная по цветовой гамме, облеплена белыми и серыми пятнами, слагающимися в сложную вихревую комбинацию. Белые участки подтоплены фрагментами поверхности глубокого темно-синего тона. Никаких сомнений, что это океаны... Леннар отвернулся от экранов и взглянул на висящую в воздухе за его спиной огромную голографическую проекцию его нынешнего мира. Мира, в котором он отгородился от невозвратного прошлого целыми безднами времени. Мира, который ожидает великая или страшная судьба, а быть может, и то и другое в едином клубке грядущих событий. Это была модель огромного звездолета... Даже в масштабе 1:7777 точная копия «Ар-

ламдора» представляла собой внушительный голографический объект длиной около 50 анниев¹. Модель была окружена несколькими десятками мачт с ходящими по ним вверх-вниз площадками-марсами, позволяющими оказаться в любой точке макета звездолета и получить самое подробное представление о том, что и как разворачивается в соответствующих реальных координатах пространства Корабля.

Леннар провел рукой по лбу и обнаружил, что и лоб, и виски покрыты крупными каплями пота. Нет, в самом деле – он нуждался в отдыхе, но о каком отдыхе может идти речь, если еще не прошло и месяца после того, как сбылось страшное пророчество, данное в еретической Книге Бездн? О каком отдыхе или даже краткой передышке можно говорить всерьез, если лишь десять дней назад из Горна, столицы Четвертого уровня, была доставлена черная перчатка самого Сына Неба, первосвященника арламдорского Храма и по совместительству главы ордена Ревнителей? Черный – цвет гнева. Но есть ли смысл продолжать эту войну? Есть ли смысл продолжать сокрушать, умерщвлять всеми мыслимыми способами таких же несчастных, как ты сам, запертых в этом тесном и затхлом мирке, задыхающемся от длительного застоя сил, от невозможности изменить давно прогнивший многовековой уклад? В мирке, где неотвратимая энтропия общества давно перешагнула критический рубеж, где только обща, а не в братоубийственной войне можно найти путь к

¹ 1 анний приблизительно равен 1,7 м. (Здесь и далее прим. авторов.)

спасению? Наверное, он, Леннар, сделал серьезную ошибку. И не одну. Да, да... Нельзя было допускать, чтобы...

Он не довел цепочку невеселых размышлений до логического завершения. Потому что в этот момент в помещении Центрального поста появился Элькан. Если быть до конца точным, то Эльканом его звали когда-то, а в пределах Арламдора он стал более известен под именем Караала, жреца-изгнанника, бывшего Первого Толкователя ланкарнакского Храма. Элькан-Караал был в тускло поблескивающем рабочем термокомбинезоне, под нагрудным фрагментом которого изгибалась эластичная трубка портативного климатизатора. Крупную голову руководителя ремонтных работ в транспортном шлюзе перехватывала серебристо-черная диадема поланта – универсального прибора связи с личным кодом пользователя. Элькан почтительно склонился перед Леннаром и произнес:

– Явился по твоему приказу, счастливый съор Леннар.

– Я был бы еще счастливее, если бы ты доложил мне о полном завершении работ в шлюзе. В конце концов, мы располагаем пятью десятками транспортных шлюзов, а вот уже которую неделю возимся над наладкой одного-единственного!

Черные глаза Элькана блеснули, когда он ответил негромко, с легкой хрипотцой:

– Тому есть много причин, счастливый съор Леннар. Катастрофически не хватает людей. Уровень подготовки даже

личного персонала оставляет желать много лучшего. К тому же, как тебе известно, многие из аэргов, беллонских дворян альда Каллиеры, ушли в Ланкарнак вместе с королевой Энтолинерой и ее ближним кругом. Среди аэргов достаточно толковых людей, которые не помешали бы при работах... Аэрги! Ты сам знаешь не хуже меня, счастливый съор Леннар, что после ланкарнакского катаклизма, указанного Книгой Бездн, в Ланкарнаке, столице Пятого уровня, требуется присутствие постоянного и верного Академии и тебе лично контингента...

– Все это мне известно. Да, еще по недостатке рабочей силы... Мне сообщили, что трое людей из числа отряженных на ремонтные работы в шлюзе пропали без вести. И поиски пока результата не дали.

– Да, это правда. Но неужели, счастливый съор Леннар, я должен объяснить, откуда дует ветер беды?

– Намек понятен. Это да... Хотя... хотя раньше лазутчикам Храма не удавалось никого захватить в технологических помещениях Корабля... «Или не лазутчики это вовсе», – хотел добавить Леннар, но вместо этого сказал совершенно иное, нисколько не менее откровенное:

– И мне кажется, ты чего-то недоговариваешь, уважаемый Элькан. Или, если хочешь, я могу называть тебя омм-Караал.

Широкое, с тяжелой челюстью лицо Элькана стало сумрачным. Он ответил:

– Тебе прекрасно известно, что приставка «омм-» свиде-

тельствует о принадлежности к ордену Ревнителей. Да, я, безусловно, был кооптирован в орден, потому что занял пост Толкователя во Втором Храме, в Ланкарнаке. Но я давно низложен и примкнул к тебе, счастливый съор Леннар, и не выставляй меня глупцом, вынуждая повторять эти всем известные истины. Не надо!

Леннар одним мощным, резким движением вырвал свое тело из кресла. В твердой складке чуть искривившихся губ мелькнула тревога. Он подошел вплотную к Элькану и, положив руку ему на плечо, понизил голос:

– В чем дело, друг? Ты сомневаешься? Мне кажется, что еще недавно ты не сомневался ни в целях нашей миссии, ни во мне лично. Я прекрасно помню, как ты – частью смехотворно, частью трогательно – чтил легенду об Ааааму-Йилианаре и светлой богине Аллианн, краеугольный религиозный миф этого замкнутого мирка, в котором отразилась и переплавилась наша былая жизнь... Отчего же сейчас?.. Объясни мне, Элькан.

– Хорошо, я буду открыт тебе до конца, – торжественно выговорил Элькан. – Я не понимаю, отчего выходит такое промедление. Более того, я совершенно не понимаю, почему мы до сих пор остаемся здесь, на Корабле, нарезаем виток за витком вокруг безжизненного спутника голубой планеты, а теперь и вовсе повисли над этой мертвой поверхностью, этими пустыми, как глазницы черепа, кратерами и карами. Отчего мы не двинемся к уже разведанной голубой плане-

те, живой, так похожей на нашу родную и давно утраченную Леобею... туда, в мир несравненно более достойный нас, чем эта гигантская железная посуда! Пойми, Леннар! Пройдут годы и десятки лет, прежде чем мы сумеем столь малым числом Обращенных восстановить все системы Корабля – да и сумеем ли вообще? Храм чинит нам все мыслимые препятствия, разворачивает открытое противостояние на всех уровнях. Они сотни лет правили здесь, в Арламдоре. Они сотни лет оттачивали инструменты своей изощренной и изуверской власти. Почему же не покинуть их, вверив им всех тех, кто не хочет уразуметь истину? Всех тех, кто не желает выбраться из этой клетки, из этого металлического пузыря, полторы тысячи лет несущегося по просторам галактики?

Леннар насупился:

– Итак, ты предлагаешь?..

– Я предлагаю не медлить. Отладка транспортного шлюза и вылет к планете на простом корабле-сателлите, по сути принадлежащем к классу каботажных челноков, – это не решение! Сколько может взять на борт каботажный челнок? Пять сотен, от силы – тысячу-полторы, если набить корабль людьми бок к боку, но ведь число Обращенных уже перевалило за тридцать тысяч! И доставить их на голубую планету может только «Арламдор»! Ты сам знаешь, что мы сможем осуществить прямую высадку на планету с ее геостационарной орбиты. Всех Обращенных! Все тридцать тысяч! И не только людей, но и громадное количество комплексного обо-

рудования, быть может, вооружения, всех отлаженных нами технологических линий, проще говоря, всего того, без чего мы можем оказаться в весьма затруднительном положении там, на третьей планете этой системы. И ты лучше меня знаешь, как именно следует осуществлять переброску функциональных блоков Академии и содержимого рабочих отсеков, не говоря уже о людях!

– Уточни.

– Очень просто. Я предлагаю перебросить Корабль на геостационарную орбиту главной планеты. Открыть постоянный рабочий портал для больших транспортеров и с их помощью очень быстро переправить нужное нам оборудование вниз, на территорию планеты. Ты же помнишь, как именно строился этот Корабль. Его собирали на орбите Леобеи, детали телепортировали с помощью больших транспортеров... Теперь осталось применить этот алгоритм в обратном отсчете.

– А люди? Тебе же прекрасно известно, что способ переброски живой материи через телепорт-установки не найден.

Элькан подался вперед всем телом, и лязгнула его массивная челюсть. У него даже раздулись хищно ноздри, когда он коротко и шумно выдохнул через нос.

– Я думаю, что высадить на континент три десятка тысяч человек непосредственно с орбиты планеты не так уж и сложно для нас, – уклончиво ответил Элькан, но едва ли эти слова хотел он сказать еще несколько мгновений назад. –

Два шаттла смогут в несколько рейсов перевезти всех наших сторонников. Конечно, можно перевозить людей на челноках и отсюда, со спутника, но это займет несколько больше времени, однако главное в другом... Сколько громоздкого оборудования, сколько важнейших функциональных установок, сколько блоков безопасности может поднять маленький шаттл? То-то и оно!

– Сейчас речь не об оборудовании. На Корабле живет около двух с половиной – трех миллионов человек. Ты говоришь только об Обращенных. Что же ты собираешься делать с остальными?

Глаза Элькана сверкнули уже с нетерпением и угрозой:

– А зачем им ломать многовековой жизненный уклад? Им хорошо и тут. И Храм, Храм!.. Не забывай о тех, кто поклялся на Первой Книге Чистоты бороться с носителями скверны – с нами! – до последнего Ревнителя. Они не остановятся, я знаю! Нет ничего хуже истового фанатизма! Мертвый догмат для них важнее живой крови! – В голосе Элькана подпрыгнула звонкая экстатическая нотка. – Кроме того, не в одном Храме дело. Ты забываешь об этой новой напасти, непонятно из какой задницы Илдыза появившейся...

– Ты говоришь о *сардонарах*? Этой древней секте, которая возродилась в Горне, столице Ганахиды?

– Да! Слишком много препятствий к установлению здесь, на Корабле, нормальных условий жизни. Храм, воюющий с нами, теперь сардонеры, антисистемная еретическая сек-

та, воюющая со всеми и не признающая никаких моральных и этических норм, которые хотя бы чтят в Храме Благолепия... Сколько может продолжаться война? Бесконечно! И есть ли в ней смысл или пора, наконец, оставить этот затхлый мирок Корабля? Я предлагаю переправить всех Обращенных, все необходимое оснащение и оборудование, словом, все необходимое для относительно безопасной жизни, на голубую планету, а «Арламдору» задать обратный курс и вывести за пределы этой планетной системы. Имеющихся двадцати пяти процентов мощности двигательных систем и кондиций головного реактора вполне достаточно, чтобы выполнить этот нехитрый маневр! Уверен, что ты не сомневаешься в моих знаниях, равно как и в том, что я смогу задать этот новый курс!

– В этом я как раз не сомневаюсь...

– И, повторяю, я не вижу смысла бесконечно возиться со шлюзами! Даже с одним-единственным... Ты знаешь, как я чту тебя, счастливый съор Леннар. Я в свою очередь знаю, сколь многим я тебе обязан и как ты совсем недавно протянул мне руку помощи, хотя имел полную возможность и полное право отвергнуть мою руку или вовсе отсечь ее, – перешел на более доверительную и душевную манеру беседы мудрый Элькан и кротко склонил голову к плечу. – Могу сказать, что я приму любое твоё решение. Выполню любой твой приказ, даже если он идет вразрез с моим мнением. Ты сам это знаешь... Но я не мог более держать в себе то, что я

только что сказал, и если ты решишь, что я не прав...

– Ты прав только в одном, Элькан! – прервал его Леннар, не принимая доверительного тона, предложенного оппонентом. – В том, что война с подконтрольными Храму Благолепия войсками и орденом Ревнителей не может длиться бесконечно! Тем более что появились еще сардонары, которые способны многократно ухудшить ситуацию в даже подконтрольных Академии землях. Ты совершенно прав в том, что промедление подобно смерти и что требуются решительные шаги для того, чтобы удержать создавшуюся ситуацию в равновесии. Я не знаю, что будет там, на планете, если мы осуществим высадку по твоему плану. Сначала нужно разобраться здесь, на Корабле, который до сих пор единственный наш дом! И потому я намерен вступить в переговоры с Храмом.

Элькан, который на протяжении доброй половины этой речи Леннара порывался открыть рот, чтобы вставить и свое веское словечко, тут застыл с отвисшей челюстью. Если бы почтенный ученый в этот момент не выглядел несколько нелепо, можно было бы употребить высокопарную фразу: дескать, безмолвие сковало его уста.

– Что касается твоего предложения двинуть к планете сам Корабль, то оно совершенно неприемлемо. Ведь ты сам участвовал в наладке систем внешнего наблюдения! Ты убедился, что планета обитаема, и сложно в этом сомневаться даже после того, как мы просканировали лишь треть ее по-

верхности! Я не могу идти на риск. Кто знает, что это за цивилизация. Наша высадка может быть приравнена к прямой агрессии. Можешь ли даже ты, с твоим аналитическим умом ученого, предвидеть, как именно они могут нам ответить?

– Да-да, конечно! – воскликнул Элькан. – Ты предлагаешь ждать, пока нынешние обитатели планеты ответят боевым ударом, который будет истолкован храмовниками, наиболее одиозным их крылом, как ответ разгневанных богов на святотатство?

– Если этот удар, о котором ты говоришь, друг Элькан, будет достаточно силен, то так и произойдет – и тогда все будет кончено. Отчего же ты тогда, допуская военную мощь этой цивилизации достаточной для того, чтобы уничтожить «Арламдор», призываешь к высадке на планету? «Ответ разгневанных богов»! Работая в ланкарнакском Храме Первым Толкователем, ты возымел большую склонность к метафорам, – усмехнулся Леннар. – Жаль только, что в области космонавигации поэтические сравнения по меньшей мере неприемлемы. Это тебе известно как минимум не хуже меня... Нет! Я не отдам распоряжения двинуть Корабль к голубой планете! Повторяю: мы отправим туда бот-сателлит. Защитные системы и обтекатели силового поля типа «невидимка» у него отрегулированы удовлетворительно. Впрочем, я ведь до сих пор не знаю, сколь совершенны у них средства космической безопасности. У них имеются искусственные спутники довольно примитивной конструкции как на орби-

те самой планеты, так и здесь, на сателлите.

– Вот именно! Разве по этим примитивным спутникам нельзя судить об уровне освоения космоса?

– Нет! Быть может, эти спутники давно утилизированы, а истинное оружие жителей планеты слишком совершенно, чтобы быть засеченным нами? В любом случае, кто знает их намерения? Быть может, они ксенофобы и не примут чужих? Я не могу рисковать жизнью такого количества людей, которые к тому же не осознают всей полноты возможной опасности! Если они смогут принять нас... – Леннар сделал паузу, – то я непременно двину звездолет на ее орбиту! В любом случае, мы установили главное – планета пригодна для поддержания жизни нашей цивилизации. Данные по атмосфере планеты, температура ее слоев, состав, давление, ионизация, примерный родовидовой состав флоры, данные по гидросфере... Осталось установить контакт с хозяевами планеты. Именно для этого должен быть наконец-то отлажен шлюз! Кажется, именно с этого мы начали нашу беседу.

– А вот мне...

– А вот мне с определенных пор казалось, что мои приказы не обсуждаются, друг мой, – сказал вождь Обращенных. – Повторяю, мы ничего не знаем о формах и принципах их цивилизации.

Элькан молчал, сердито посапывая и потирая горбинку носа. Нет, Леннар определенно недоговаривает. Тихо пели стены и свод Центрального поста, по которым струились раз-

меренные мелодии контроллеров сводного пульта управления. На экранах плыла серая поверхность спутника, изъязвленная цепями кратеров и цепочками горных хребтов.

– Вот что, – после паузы вымолвил Элькан, – это понятно. Ты твердо решил. Бессмысленно спорить... Я не о высадке на планету. Я о другом. О том, что касается переговоров с Храмом. Ты в самом деле так решил, счастливый съор Леннар? Ведь Храм прислал тебе перчатку гнева! Они примут твои намерения пойти на перемирие за признак слабости!

– Ну это смотря как подать знак о желании заключить перемирие, – уклончиво ответил Леннар, глядя поверх круглого плеча Элькана. – Впрочем, окончательно решение еще не принято. Я не могу в одиночку принимать такие важные решения.

Элькану послышалась в этом заявлении тщедушная ханжеская нотка. Он постарался отогнать это ощущение, но оно упорно возвращалось и не отпускало... Леннар малодушничает? Он хочет пойти на попятную? Сам Элькан прекрасно понимал, что лично ему даже самые жесткие переговоры с Храмом Благолепия, все еще контролирующим добрую половину уровней «Арламдора», не сулят ничего хорошего. Единожды предавший храмовников и орден Ревнителей Благолепия уже не будет прощен. Так гласит боевой устав противника, и бывший жрец-толкователь брат Караал не мог рассчитывать на снисхождение. Даже если они не объявят о своем праве на возмездие публично...

«Ну что же, я оказался прав, – подумал Элькан, – и меня совершенно напрасно мучили укоры совести... В конце концов совесть – это весьма относительная моральная категория, и она столь же малоприменима к космонавигации и высоким технологиям, как и поэтические метафоры, о которых недавно рассуждал наш предводитель и почти что *бог*. Значит, я поступил правильно, что часть своих усилий перебростил на *другое*. А вовсе не на ремонт транспортного шлюза... Да, затормозил работы... Да, он может заподозрить неладное... В конце концов, информацию тоже можно придерживать, а если он и в самом деле столь могуществен, то узнает все и в обход моих стараний утаить...»

– Приложу все усилия для того, чтобы ускорить ход работ и закончить ремонт шлюза как можно быстрее, – сказал он и закашлялся.

Вместо ответа Леннар чуть приобнял его за талию и легонько подтолкнул к выходу из Центрального поста. Уходя, Элькан чувствовал на себе нелегкий взгляд того, кого он еще недавно, не шутя, называл *богом*.

Перед его глазами плыло одно и то же: жаркий праздничный полдень казни, подмытый радужными кругами в глазах, душная, дремотная ломота во всем теле, дающая такое неожиданное и удивительное спокойствие, словно и не было тогда на ланкарнакской площади Гнева неотвратимой опасности. Словно и не было смертного приговора, вынесенного высоким судом ему, Леннару, которому они, эти высокие судьи, дали трескучий титул Строителя Скверны. Леннар помнит, как если бы это истекло лишь вот-вот, каждое мгновение, каждую перемену в окружающей его размытой реальности того полдня: и легкое дрожание эшафота под ногами, и взвившийся до рваного дребезжащего фальцета баритон Стерегающего, и громадный пролом, разваливший город Ланкарнак надвое и смявший праздную толпу пришедших посмотреть на любимое зрелище – казнь бунтовщика... Леннар помнит все это. Перекошенные смертным ужасом лица людей, еще недавно весело ухмылявшиеся. Людей, которым неоткуда знать, что пропасть, разверзшаяся у них под ногами и прошедшая через самое сердце города, лишь следствие того, что начал отходить огромный щит, перекрывавший доступ к головному реактору Корабля. Да, и гибли люди... Срывались вниз, в темный зев провала. Пятились, сминая друг друга. Неистово ревели, словно это идущий из са-

мых глубин их существа нутряной низкий рев может спасти, отвести смертный ужас. Эти люди думали, что вот оно – исполняется страшное пророчество из черной Книги Бездн!

Одним из немногих, кто знал истинную природу катастрофы, был Элькан. Элькан, пришедший с ним, Леннаром, из недосягаемого далека их прошлого.

И вот теперь этот-то Элькан впервые крупно возразил ему.

«Да, именно Элькан, – думал Леннар, – и неудивительно, что именно он, самый умный и дальновидный, один из самых преданных... Но что Элькан? Для него важнее всего его научная работа, продолжение его исследований, начатых еще там, на Леобее, и нашедших продолжение уже здесь, на борту Корабля... Да, его исследования! Его неодолимое стремление к знанию, новые перспективы, от которых захватит дух даже у посвященного... Я понимаю. Но я ставлю другой опыт. Я слишком много на себя взял, большая власть – большая ответственность, и если где-нибудь в далеком Ланкарнаке умирает от голода собака, то это моя вина. И если сардонеры грабят мирный криннский город, это моя вина. Не Храм начал войну. Ее начал я, хотя и сам того не желая. И как же я могу бросить тут, на Корабле, всех этих людей в болоте их прежних заблуждений и невежества, как то предлагает Элькан? Нет. Мы будем вместе до последнего. Быть может, до самого конца».

Тут размышления Леннара были прерваны.

Вошла Ориана. Сегодня она была в накидке тревожного темно-желтого цвета, тонкая талия перехвачена искусно выделанной цепочкой с амулетом в виде белого круга, в который вписана восьмиконечная звезда со спиралевидно искривленными лучами. Она подошла к Леннару и, тронув его за запястье в знак приветствия, произнесла:

– Небо над нами!² О чем ты задумался, милый? Почему тебя не было в зале памятных машин?

Ориана по привычке пользовалась старыми названиями, избегая устрашающе громоздкой технической терминологии.

Леннар поднял голову:

– Что ты сказала?

– Ты даже не слышал, как я вошла и поздоровалась, – произнесла она с легким оттенком укоризны. – Где же тебе слышать мой вопрос... Чем ты так озабочен? Я слышала, ты вызывал в Центральный пост Элькана?

– Да. Очень странные дела... Я поставил на эту в общем-то не самую сложную работу самого компетентного человека из всех, каких имею здесь, под своим началом, – признал он, – я думал поручить ремонт шлюза другим, например Ингеру, – потому что Элькан много где нужен со своими громадными знаниями. Но, вот видишь, получается так, что как раз Элькан не справляется с этой работой так, как я на то рассчитывал...

² Традиционная форма приветствия для большинства выходцев с Леобеи.

– Ты его в чем-то подозреваешь? – искренне удивилась Ориана. – Нет, я могу понять, что постоянное напряжение, переутомление... Но Элькан! Он же великий ученый, а великий ученый всегда прежде всего большой человек! Большой человек не способен на предательство.

– Довольно наивная логическая цепочка, – вздохнул Леннар. – Впрочем, можно ли от тебя ждать объективности, когда тебя с ним связывает столь многое?

– Что ты имеешь в виду?! – вспыхнула она.

– Ну как же... Во-первых, полторы тысячи лет назад, еще на Леобее, именно он был одним из твоих преподавателей в университете Креген-И и уже тогда внушал тебе глубочайшее почтение, благоговение перед его научным гением. Я не ошибаюсь? Во-вторых, именно он обеспечил нам с тобой прыжок через бездну времени, в которой остались целые десятки поколений. И наконец, именно он стал твоим первожрецом, когда ланкарнакский Храм с благословения самого Сына Неба объявил тебя богиней Аллианн. Конечно же после всего этого ты не можешь относиться к нему иначе, как с полным доверием!

Ориана прищурила темно-голубые глаза, и ее лицо с упрямо сжатыми губами сделалось строгим, сдержанным. Между тонкими бровями залегла складка. Леннар молчал. Ориана не выдержала первой:

– Если ты имеешь в виду странное исчезновение трех наших людей в транспортном шлюзе, ремонтом которого занят

Элькан... И если ты имеешь в виду, что он, Элькан, способен саботировать работы по ему одному ведомым корыстным соображениям... Даже если допустить, что Элькан преследует цели, отличные от целей Академии, твоего ближнего круга и твоих, Леннар, то... То к чему же он может стремиться? Храм ненавидит его нисколько не меньше, чем тебя, но если ты в глазах многих уже стал почти что божеством, воплощением светлого Ааааму, чье истинное Имя неназываемо, то Элькан в их глазах всего лишь простой смертный. К тому же простой смертный *предатель!*

– Ну вот. А сама только что сказала, что он ну никак не может быть предателем, потому что...

Она гневно всплеснула руками, отчего накидка едва не слетела с плеч, открыв тонкие, нежные ключицы, и моментально перебила его:

– Ну давай экстраполируем точку зрения Храма на все, что нас волнует! Например, тебя они именуют, самое вежливое, Строителем Скверны, а также гнойным чирьем, уродующим тело Чистоты мира, тлетворным ветром из жирной задницы Илдыза, а равно сыном осла и муравьеда, уродищем из выгребной ямы миров, говорящим скопищем помоев и иными титулами, несть им числа! Весь этот сонм бранных имен и сейчас торжественно зачитывается с богослужебных возвышений во время общей молитвы!

Он умоляюще поднял раскрытую ладонь и медленно согнул один за другим все пальцы, давая тем самым знак, что

сдается на милость победительницы. На лице предводителя Обращенных сверкнула широкая белозубая улыбка, делающая его лицо совсем молодым, почти мальчишеским. Улыбка заострила профиль, осветила тонкие черты лица, наполнила темно-серые глаза мягким сиянием, отчего они стали казаться синими... Леннар дождался, пока Ориана умолкнет, и сказал:

– Верно, крепко ты меня любишь, раз натвердо вызубрила все эти чрезвычайно лестные для меня эпитеты.

– Не уводи разговор в сторону, – серьезно сказала она, все так же щуря глаза, что было верным признаком волнения. – Ты не договорил про Элькана. Ты не...

– Вот что, Ориана, я ничего не сказал относительно моего недоверия Элькану. Более того, если бы я ему хоть в чем-то не доверял, разве я поручил бы ему такой важный фронт работ? И не важно, что изначально задача по исправлению транспортного шлюза, ведущего в мировое пространство, казалась мне достаточно несложной! И я могу ошибаться, в конце концов! Ведь я не бог, как это еще недавно говорили некоторые!

Она ответила немедленно:

– Милый, ты умный человек. Все это отговорки. В конце концов, если у тебя есть сомнения по поводу хода работ в шлюзе, пошли туда Квана О с отрядом воинов наку.

– Я думал над этим. Но это будет уже открытым выражением недоверия... Нет, еще не время. Я направлю туда Ин-

гера... Да, это наилучшее решение. Тем более... – губы Леннара искривила короткая усмешка, – тем более там его сестра.

– Ах вот оно в чем дело! – воскликнула Ориана, не очень часто дававшая себе труд сдерживать вспышки эмоций. Ее лицо залил гневный румянец. – Так вот что! Неужели ты банально приревновал Элькана к Инаре, сестре Ингера, твоей бывшей любовнице, и теперь...

Леннар счел себя недостойным счастья выслушивать все это. Нет, в последнее время Ориана стала слишком импульсивной и нервной, и это так не похоже на прежнюю Ориану, плавную, спокойную, уверенную как в собственных силах, так и в собственной неотразимости. Наверное, то, что она едва не оказалась в плену у сардонаров и воочию увидела ужасы резни, развязанной этими еретиками в одном из городов Кринну, что-то изменило в ней, надломило психику и высвободило эти типично женские начала: переменчивость настроения, беспричинные вспышки ревности и гнева, болезненную чувствительность... Он прервал ее коротким нетерпеливым восклицанием. В этот момент появился Кван О. Он возник бесшумно, крадучись, с той хищной упругостью и стремительностью, которая заставляла иных сторонников Леннара невольно думать: каким страшным противником мог бы стать этот умный, осторожный, лишенный безрассудства своих соплеменников и в то же самое время безоглядно отважный воин наку, переметнись он на сторону врага.

Кван О вошел без предупреждения. Помимо Орианы только он как начальник охраны Леннара имел право доступа в личные апартаменты главы Обращенных. На его лысом черепе, разрисованном двумя совершенно симметричными тотемными татуировками, играли блики. Леннар поднял брови: бесцветные губы Квана О заметно подрагивали, и это служило явным признаком волнения. В последний раз Кван О испытывал такое волнение достаточно давно, в час после битвы, когда он собственными руками отрезал голову одному из захваченных дезертиров, тоже человеку с Нижнего уровня, из племени наку. Своему брату.

– Леннар, – без предисловий заговорил он, – только что сообщили из транспортного отсека Четвертого уровня. Из Ганахиды прибыла делегация Храма. Их приняли под охрану. Среди них братья-Ревнителю в высоком сане и двое Стерегущих Скверну. Они хотят говорить с тобой.

– Я ждал этого, – просто сказал глава Обращенных. – И среди них есть здравомыслящие люди.

Кван О конвульсивно сжал пальцы на отполированной до блеска рукояти боевой секиры.

Корабль, транспортный шлюз № 21

Элькан поднял голову и окинул взглядом огромный тоннель. Там, под сводом, на высоте нескольких десятков анниев, копошились маленькие фигурки, которые можно было различить и пересчитать скорее по огонькам на шлемах, чем по контурам тел. Элькан опустил глаза и мрачно посмотрел на внешний щит, перекрывающий выход в открытый космос. В центре щита словно нехотя пульсировало радужное пятно, неуловимо меняющее свои очертания то в сторону расширения, то соответственно сужаясь. За спиной Элькана, за второй вспомогательной переборкой шлюза, прозрачной как слеза, висел бот-сателлит, о котором так жарко говорили Элькан и Леннар совсем недавно. Его огромное тело расцвечивалось волнами огней. Лениво переливались матовые шапки впускных люков. Кабина Центрального поста смутно походила на голову мифического чудовища, непомерно разросшегося и покрытого металлической чешуей.

За спиной Элькана беззвучно возникла Инара. Она быстро коснулась его руки и качнула головой.

– Да, я отдал все необходимые распоряжения, – отвечая на ее немой вопрос, сказал Элькан. – Мы можем пойти в мой блок-корпус.

– В экспериментальную лабораторию? – спросила она.

Легкое придыхание в ее голосе при иных обстоятельствах могло показаться чувственным. Элькан жестом подтвердил правоту ее слов. Да. В экспериментальную лабораторию. Именно туда он и собирается.

– Ну так что же мы медлим?! – воскликнула она, и за прозрачным синтетиком дыхательной маски блеснули большие миндалевидные глаза. – Ой!.. – сорвалось с ее губ, и большие миндалевидные глаза чудесного бирюзового оттенка, плохо различимого за маской, сверкнули восхищенно и даже потемнели от глубокого, плохо скрываемого наслаждения. – Сколько ни смотрю на работу большого транспортера, столько раз не могу удержаться от девчоночьих взвизгов.

– Да и неудивительно, – усмехнулся Элькан, – еще недавно ты не могла представить себе работу примитивного проекционного модулятора, а «пальцы Берла», эти дурацкие и нелепые накопители энергии, считала талисманами, дошедшими до нас от далеких могучих предков. Что уж говорить о работе большого транспортера!

И он повернул голову туда, куда пристально смотрела Инара. У стены шлюзового тоннеля заматалось призрачное пламя, оно, как живое, выкидывало в разные стороны длинные щупальца. Все более замедляясь, оно начало густеть, как остывающий кисель, а потом из этого киселя вывалилось что-то плоское, изогнутое полумесяцем, испускающее во все стороны прыгающие искры. К плоской и длинной штуке (кстати, длиной в добрый десяток анниев) сразу устреми-

лись несколько портативных роботов-тягачей. Сам Элькан относился к использованию такой примитивной техники, как робот-тягач, с откровенным пренебрежением, но техническая квалификация большинства его подчиненных оставалась столь низкой, что приходилось давиться этим пренебрежением и довольствоваться тем, что имеешь.

— Ну вот, — сказал Элькан. — Доставили сегмент обтекателя внешнего шлюзового кольца. Сразу и вдруг. Сколько было бы мороки, тащи мы его по лифтовым шахтам. Да без больших *трансов* мы бы и не построили Корабль полторы тысячи лет назад. Ведь у него такая чудовищная масса покоя! Но даже большие не могут главного...

Он не стал распространяться на тему того, что не могут большие транспортеры, способные перекинуть из одной заданной точки в другую вот такие болванки за время чуть большее, чем пять человеческих вдохов. Он лишь махнул рукой и увлек за собой Инару.

Путь был короток. Все участники работ жили в помещениях, примыкавших ко второму, вспомогательному, шлюзу. В блок-корпусе, выделенном в личное пользование главы ремонтных работ, их встретил человек с такой внешностью, словно его вырубили из громадного куска древесины. Он был очень высок ростом и при этом имел неимоверно худые плечи, а из-под ниспадающей с этих плеч надорванной рабочей блузы торчали сухие, как тонкие древесные сучки, угловатые ключицы. Однако от плеч начинались такие

ручищи, что мало кто осмелился бы сподобиться на оскорбительный эпитет «деревянные». Это были не руки даже, а мощные корни, заканчивающиеся пучками узловатых отростков-пальцев. Громадная сила угадывалась в них. Корпус человека расширялся книзу и наибольшей ширины достигал в основании бедер. Бедра раздувались как бочки. Играли мощные икры... Торчащая из плеч маленькая плешивая голова с длинным носом по сравнению с описанными выше частями тела казалась попросту муляжом и совершенно ненужным компонентом.

– Здравствуй, Скопендра, – приветливо поздоровался Элькан. – Готов ли наш доброволец?

– Он ждет вас, сьор Караал.

Тот поморщился:

– Я много раз просил...

– Он ждет вас в лаборатории, сьор Элькан, – отвечал узловато-древесный Скопендра звучным, сильным голосом.

Лаборатория была маленькой. Если припомнить гигантский транспортный шлюз, которым занимался Элькан, она была попросту металлическим пузырьком, загроможденным приборами. В пузырьке этом навстречу Элькану поднялся молодой парень со свежим, но бледным лицом. Почтительно поздоровавшись, он по-мальчишески шмыгнул носом и тут же сконфуженно замолчал.

– Скопендра, – сказал Элькан, не поворачиваясь к своему ассистенту, – ты все подготовил, как я просил?

– Да.

– Внес изменения в настройки? Впрочем, что там зависит от этих настроек, этих глупых рычажков и сенсорных панелек... – пробормотал себе под нос почтенный ученый. – Самое тонкое надо делать самому.

И, решительно выдвинув прямо из стены консоль расчетной машины, он принялся за дело. О присутствии в маленькой лаборатории еще троих людей он, казалось, забыл. Впрочем, верный Скопендра словно влился в нишу стены, Инара же замерла прелестным изваянием, и только парень бледнел и шмыгал носом. На Элькана он смотрел с остолбенелым благоговением.

Шло время. Со лба ученого текли струйки пота, словно он не едва касался тонкого аппарата подушечками пальцев, а собственноручно волок на себе сегмент обтекателя внешнего шлюзового кольца, виденный в тоннеле.

– Все! – наконец сказал он. – Клянусь светлым Ааааму, все!

Лицо Инары стало испуганным и строгим. Элькан сделал какой-то неопределенный жест, а потом спросил добровольца:

– Твое имя, мальчик?

– С вашего позволения, светлый съор, мое имя Гоз.

– Длинновато... М-да... Ну, не страшно. Гоз, мой мальчик, сейчас ты можешь стать первым, кто... Нет, не так. Ты просто можешь стать *первым*.

– Если сейчас выживет, – донеслось из ниши еле слышное бормотание Скопендры.

Но Гоз не слышал. Да если бы и слышал... Если он решил участвовать в эксперименте, к чему выслушивать мрачные намеки безобразного Скопендры? Он твердо выговорил.

– Что я должен делать, сьор Элькан?

– Выполнять то, о чем я тебя попрошу. Ты отважный малый, в свое время принимал участие в войне под командой самого Ингера, приближенного лица сьора Леннара. Ты сумеешь. Собственно, от тебя только и требуется, что сделать два шага. Прямо перед собой, видишь?..

Гоз опустил глаза и увидел выпуклость в полу. Выпуклость была вполне обыденного вида и даже покрыта тонким слоем пыли, но Гозу вдруг расхотелось делать эти два шага. Нет, первый он сделал с отчаянно-веселым лицом, между тем как выпуклость приподнялась настолько, что контурами своими вполне соответствовала полушарию. Вторым шагом Гоз должен был вспрыгнуть на полушарие; он еще не видел, как над его головой распускается нечто похожее на прекрасный цветок. Только вместо пестика торчала конусовидная голубая игла. По ней пробегали спиралевидные вспышки. Игла спустилась, подрагивая, и уже сейчас можно было видеть, что этот «пестик», красиво опоясанный зеленоватым пламенем, – бесплотен. Игла была сгустком самого чистого и нежного света, какой только можно встретить в природе.

Гоз, верно, почуяв что-то, стал медленно поднимать гла-

за...

Элькан мерно отчеканил:

– Стой. Взор перед собой. Не шевелись! Начинаю пространственное моделирование исходника... Конечной точки... Завершено... Скопендра, скорректируй вектор седьмого уровня...

Больше он ничего не говорил. Губы шевелились совершенно беззвучно, но древовидный ассистент, очевидно, умел читать и по губам. Он метался по лаборатории и один за другим подключал приборы. В большинстве своем это были анализаторы, а базовая аппаратура, ответственная за опыт, уже заработала...

– Контроллеры, – беззвучно шепнули серые губы ученого.

Гоз замер, только его правая рука, крепко прижатая к бедру, делала какие-то конвульсивные движения, словно пытаясь преодолеть притяжение собственной плоти. Но, видимо, юноша уже не был властен над своим телом.

Неописуемо красивая голубая игла почти коснулась головы добровольца.

Элькан побагровел от напряжения. Он бросал хищные, резкие взгляды то на испытуемого, то на экран базовой расчетной машины. Надо лбом, покрытым крупными каплями пота, металась растрепанная серая прядь... Голубая игла коснулась головы Гоza, и в ту же секунду Элькан неуловимо быстрым движением обеих рук рванул два светящихся тумблера.

Игла задрожала и пронизала тело Гоza насквозь. Было видно, как он криво разинул рот... Игла вдруг вспыхнула, и мириады маленьких иголок прошили тело юноши изнутри, их число все множилось, они раздваивались, раstraивались, лезли целыми пучками; и наконец, все это неопиcуемое множество игл слилось в одно целое, оказавшись раскаленным человеческим силуэтом. Огненная фигура вспыхнула раз и другой...

Не сводя с нее глаз, Элькан резко откинул голову назад и ударился затылком о переборку, прикусил губу; по подбородку потянулась струйка крови. Он не заметил этого. Силуэт полыхнул еще раз и исчез.

Элькан подался вперед:

– Держись, мой мальчик!

Это было сказано свирепо, рычащим голосом, но когда в нескольких шагах от того места, где мгновение назад исчез неистово светящийся силуэт Гоza, словно светлячок, зажглась тусклая желтая звездочка, он повторил почти с нежностью:

– Держись, мой мальчик.

Инара заломила руки.

Звездочка вдруг начала набухать, словно втягивая в себя окружающее пространство. Она превратилась в бесформенный ком с вздрагивающими рыхлыми боками, будто изнутри одна за другой шли серии направленных ударов. Ком содрогнулся в последний раз и стал разваливаться.

— ...мой мальчик.

Ком превратился в нечто напоминающее глиняный слепок гигантского гнилого зуба. Медленно, медленно кровь отливала от лица Элькана... Он уже не смотрел на консоль расчетной машины, по которой метались алые, синие, белые линии графиков и столбцы диаграмм. Он положил пальцы на собственный пульс и ждал, ждал... Ожидая, смотрел на страшную метаморфозу... Ему единственному из присутствующих при опыте было ясно все.

Еще бы!

То, что еще недавно казалось темной глиной, начало светлеть. «Зуб» разваливался, его стенки отпадали на пол, дробясь и снова вязко сливаясь, обретая все более близкие к очертаниям человеческих конечностей контуры, и оттого становилось все более жутко. Силуэт очерчивался, глиняный оттенок отливал теплой желтизной, вот он стал еще светлее, но чем дальше происходил процесс регенерации человеческой личности из бесформенного сгустка материи, тем становилось понятнее, что это уже не *прежний* Гоз.

У Элькана мучительно исказилось лицо. Его узловатые пальцы переплелись с такой силой, что под смуглой кожей стали проступать сероватые пятна. Нижняя губа выпятилась, исказив лицо мучительной судорогой. Ученый схватил Инару за запястье так крепко, что она резко вскрикнула. Никогда еще ей не приходилось видеть у этого облеченного властью и силой разума человека такого лица. Потом маска му-

ки была снята усилием воли. Она сменилась жгучей обидой. У Элькана увлажнились глаза. На шее плясали тугие жилы, смутно напомним Инаре какой-то древний и печальный, давно отживший и забытый музыкальный инструмент. На виске пульсировала синяя жилка, похожая на червяка. Все это напоминало приступ удушья. Наконец Элькан выпустил руку Инары. Его качнуло назад, когда он вымолвил:

– Бедный, бедный Гоз...

– Смотри! – вдруг крикнула Инара так пронзительно, что даже невозмутимый Скопендра, вздрогнув, сплел в невообразимую комбинацию свои сизые жилистые руки.

Вылепленная из бесформенного «глиняного» кома фигура, обретшая вполне человеческие очертания, замерла на несколько долгих мгновений, а потом по телу этого существа пробежала крупная дрожь.

И оно начало подниматься. Странными, неестественными рывками.

Оно почти разогнулось, так, что все присутствующие при опыте успели увидеть белую кожу лба между свесившимися желтыми прядями... Но, не дойдя каких-то двух рывков до положения, при котором было бы видно все его лицо, существо вдруг подогнуло под себя левую ногу, словно она подломилась чуть пониже колена, и всем телом рухнуло на пол. С глухим деревянным стуком его голова впечаталась в мелкокоробристую поверхность.

Элькан поднял к лицу обе руки в немом отрицающем же-

сте. Он был так близок к успеху, несравненно ближе, чем раньше! Не хватило какой-то мелочи, какого-то крошечно-го фактора, чтобы здание грандиозного опыта обрело законченность. И Элькан должен сделать это, чтобы...

Полыхнула панель внешнего вызова, и оторопевший ученый услышал голос дежурного:

– Сьор Элькан, к вам сьор Ингер...

– Но я занят!!!

– ...с личным поручением от счастливого сьора Леннара, предводителя Обращенных, главы Академии. Он хочет переговорить с вами.

– Повторяю, я занят. Впрочем... – Элькан сделал паузу и, уже обретя свое обычное хладнокровие, вымолвил неспешно и с достоинством, как и подобает человеку его ранга: – Да будет так. Сейчас я отправлюсь в приемный блок-корпус. Пусть Ингер чуть подождет.

Панель погасла. Инара изогнулась гибким телом, словно ее укололи, и бросила:

– Ингер? Мой брат? Почему именно сейчас? Совпадение?

– Скопендра, убери труп! – резко приказал Элькан, и его ноздри коротко раздулись. Сейчас в этом властном человеке осталось совсем мало от того взволнованного ученого, кто раз за разом повторял, словно заклиная: «Держись, мой мальчик». – Я выйду к Ингеру.

– Но ведь приемная тут, за переборкой! Совсем близко к... к тому, что произошло... недавно...

– Мы все выйдем к нему, – тоном, не оставляющим Инаре возможности для возражений, сказал Элькан.

Глава вторая

Потери

1

– Рад видеть почтенного съора Элькана!

– Небо над нами! – сдержанно отозвался ученый в ответ на приветствие поднявшегося ему навстречу рослого Ингера. – Чем обязан твоему визиту?

– Я по поручению Леннара. Очень важному...

– Я знаю, о чем пойдет речь. Мы недавно виделись, тебе это известно лучше остальных... Если разговор столь важен, отчего же наш предводитель не прибыл сам? Увидел бы все собственными глазами, вживую, а не на мутных экранах визиторов. Ведь насколько я понял из нашей последней с ним беседы, для счастливого съора сейчас нет ничего более важного, чем наладка этого шлюза.

– У него есть еще более важные дела.

– Какие же? – вкрадчиво произнес Элькан. – Ты же помнишь, что у Леннара от меня нет секретов.

– Не спорю. Тем более что даже если бы я не сказал, то, сожри меня Илдыз, ты сам вскоре узнал бы... От других. Так вот, к Леннару прибыло посольство из ганахидского Храма.

Они ждут решения Леннара близ транспортного отсека Четвертого уровня.

– Вот как быстро делаются дела, – негромко проговорил Элькан, и черные его глаза сузились, – воистину Леннар великий человек... Они сами пришли к нему на поклон.

– На поклон? Вот уж!.. К тому же ты сказал: *человек*?.. Ведь еще совсем недавно ты, Элькан, будучи омм-Караалом...

– Довольно, – почти доброжелательно прервал его ученый. – Мы тратим драгоценное время. Итак?..

– Ладно. Не будем. Сразу к делу. Я хотел спросить тебя, уважаемый Элькан: почему большие транспортеры, те, что выведены в шлюз... – Ингер подбирал слова, – почему они работают только на три четверти мощности?

– Большие транспортеры... – начал было Элькан, но тут со стороны лаборатории послышался какой-то неясный шум, что-то глухо ударило в переборку, и прервавший фразу Элькан вдруг подумал, что там, в лаборатории, с момента ухода его, Инары и засунувшего в пустой контейнер останки Го-за Скопендры не оставалось более никого живого. И ничего живого...

Медленно, очень медленно открывалась дверь экспериментальной лаборатории. Предусмотрительный Скопендра заблокировал ее, так что без введения личного кода Элькана ее можно было отпереть только изнутри. Простым нажатием сенсорной панели.

Странное, странное существо вошло в приемную. У него была совершенно белая, с редкими голубыми прожилками морщинистая кожа, нелепые мутно-желтые глаза навывкате и клювообразный нос, словно зажатый между нездорово припухшими щеками. Желтый дымок волос вяло обогревал череп. Походка была развинченной, человек (все-таки признаем за ним право называться так!) сильно припадал на левую ногу, которая была заметно короче правой. От этого он вихлял всем телом и так кривил лицо, что до неузнаваемости менял свои и без того жуткие черты. Самыми же примечательными были руки. Голые, они извивались как змеи, словно были совершенно лишены суставов, а возможно, так оно и было на самом деле. Кисть одной руки с пятью тонкими пальцами выглядела вполне нормальной, разве что ногти заметно флуоресцировали зеленоватым светом. Зато кисть второй руки...

Собственно, кисти как таковой и не было. Вместо нее на запястье сидела маленькая голова, уменьшенная копия той, что плавала над линией плеч существа. Голова располагала двумя глазами и одним – светящимся же – ухом.

Инара ахнула и едва не упала. Ее успел подхватить брат, рот которого приоткрылся. Элькан замер и едва слышно пробормотал:

– Черт... дважды сбила программа...

Поддерживающий сестру Ингер первым пришел в себя. Он отстранил Инару и вымолвил с поразительным хладно-

кровием:

– Мне... мне знакомо лицо этого уродливого старика. Где вы мог его видеть? И откуда он у тебя? Мутант с Нижнего уровня? Не похож на наку. Кто этот старик и что он делает у тебя, Элькан?

– Это Гоз из третьей секции работ, – вдруг сказал Скопендра, не видевший смысла врать при столь очевидном положении.

– Гоз? Я знаю Гоза. В свое время он воевал под моим началом и был десятником. А это... это же *старик*, – повторил Ингер, в третий раз употребив слово «старик».

Как показали последующие события, развернувшиеся молниеносно, это слово было ключевым.

Элькан, который будто и не слышал этого во многом решающего для себя разговора, вдруг запыхтел и, сорвавшись с места, широченными мальчишескими прыжками преодолел разделяющее его и то, что назвали Гозом, расстояние. Он вцепился сначала в тощую синеватую шею, а потом в лицо старика, повернул его голову сначала в одну, а потом в другую сторону, притянул к себе руку, с которой скалилась на него беззубыми деснами маленькая смешная и страшная голова.

Ингер наблюдал за его действиями, что-то сдавленно бормоча себе под нос. Он был единственным, кто мог издавать хоть какие-то звуки, ибо Скопендра обрел свою обычную невозмутимость, а Инара утратила дар речи.

Элькан вдруг резко выпрямился. Страшно преображенный Гоз под его руками затихал, жизнь уходила из этого выжатого неведомыми силами природы существа. Ученый до скрипа сжал зубы. Он стал странно спокоен, как будто с появлением Гоza на него снизошло вдохновение.

– Так, – наконец произнес Элькан, – это будет великий день в моей жизни. И всех тех, кто был тому свидетелем! Ты спрашивал, Ингер, отчего большие транспортеры работают всего на три четверти мощности? Так вот, оставшаяся часть мощности мне нужна была для опыта. Для великого опыта! Ведь даже тебе известно, – (Ингер не обратил внимания на оскорбительное «даже», не до того!), – что большие могут телепортировать из одной точки пространства в другую лишь неодушевленную материю. Так вот... – Элькан запнулся, подбирая самые нужные для выражения своей великой мысли слова.

Посланец Леннара воспользовался этой паузой. Ингер, в котором привитая не так давно цивилизованная учтивость вдруг сменилась глухим недоверием, присущим темной, чуткой мужицкой крови, взглянул на своего ученого собеседника сузившимися глазами и выговорил негромко, надтреснутым гортанным голосом:

– Ты куда клонишь, почтенный?

Элькан вскинул к лицу руки:

– Позволь мне поставить этот последний опыт, я буду чрезвычайно благодарен. Теперь я точно уверен, что он

удастся. Я понял! Я понял, где ошибался. Теперь все пройдет как надо. Более того, я сам готов быть подопытным! Я готов поставить этот последний опыт на себе!

Мужицкое нутро окончательно победило в Ингере. Легко выломав стойку стабилизатора давления, он широко шагнул к Элькану и воскликнул:

– Так вот что! Так вот куда девались люди! Ты... ты ставишь на них опыты! В обход Леннара, в обход устава Академии! Клянусь задницей Илдыза и всеми его вонючими кишками, ты за это ответишь! Вивисектор, изувер...

Ученый все понял. Не видать ему этого последнего опыта, как неба благословенной Леобеи!

– Недавний темный ремесленник знает понятие «вивисекция»? – Элькан усмехнулся. Ему даже стало легче оттого, что этот мужлан, нахватавшийся за годы пребывания в Академии поверхностных и совершенно чуждых его природе знаний, наконец-то проявился в своем истинном качестве. Каждому свое! Хоть счастливый съор Леннар и полагает, что из благодарного человеческого материала умелый демиург может вылепить совершенную особь...

Лицо Ингера окаменело.

– Ничего у тебя не выйдет, – сказал он. – Ты уже предавал Леннара. Единожды предатель – предатель навсегда, как говорят в моей родной деревне, ведь на нее ты тут так презрительно намекал?

– Не надо ломать аппаратуру, – тихо сказал Элькан, глядя

на массивную спиралевидную железку в его руке. – Ингер, попробуем поговорить по-иному. Да, я ставил опыты. Да, погибли люди. Но ведь они пришли добровольно! Кроме того, я же не преследую личных интересов. Я тружусь во славу науки, познания мира, наконец, я отстаиваю интересы общего дела. Мое изобретение позволит нам достигнуть решающего перевеса над силами Храма и...

– Кажется, я уже сказал тебе, почтенный Элькан, что Леннар намерен вести с ними переговоры, – медленно выговорил Ингер, и эта медленность оказалась в полном противоречии с той быстротой, с какой он бросился на ученого.

Ингер прибыл в шлюз не один, но, вне всякого сомнения, он был уверен в своем физическом превосходстве. Все-таки сам Леннар обучал его искусству единоборства... Если быть до конца откровенным, то Ингер не доверял Элькану с самого начала. Его появление в стане Обращенных, его бывлая принадлежность к жречеству Храма и зловещее, как всплеск вороньих крыл, имя Караал или даже омм-Караал! Ингер не считал возможным плести интриги против Элькана, да и не был искушен в интригах этот высокий, широкоплечий парень с открытым взглядом и руками потомственного ремесленника. И вот теперь, когда Ингер окончательно уверился в преступлении Элькана (а для него опыт Элькана был несомненным и страшным преступлением!), он посчитал своим долгом лично обезвредить ученого и доставить его к Леннару наряду со всеми доказательствами преступного умыс-

ла. Собственно, у Ингера были все основания рассчитывать на свои силы и выучку, которую он прошел в Академии для Обращенных. Да и Элькан не выглядел человеком, способным оказать серьезное сопротивление: невысокий, с плотными покатыми плечами и тучной шеей, на которой сидит массивная голова.

Итак, Ингер бросился на ученого, и спиралевидная стойка в его руке рассекла воздух точно против широкого лба Элькана. Тот отшатнулся со стремительностью, которую невозможно было предположить в этом плотном теле. Точно так же он ушел еще от двух ударов Ингера, а потом, ловко поднырнув под локоть разошедшегося гиганта, блоком сплетенных кистей ударил ему в печень. Ингер вздрогнул, не до конца поняв, как могло произойти подобное, и тут вал припозднившейся боли разорвал ему бок. Элькан одним коротким движением выхватил изуродованную стойку стабилизатора из влажных пальцев Ингера. Сделав это, он вернулся в исходную позицию и стал ждать, пока Ингер преодолеет жестокий приступ боли.

Впрочем, кожевник умел терпеть. Он быстро справился с собой. Стараясь не показать своего, мягко говоря, недоумения, упрямо сощурил глаза и выдохнул:

– Ну... ну что ж... сожри меня Илдыз! Ты... здорово... двигаешься. Не ожидал. Верно, на своем веку ты перебивал не только в Толкователях и...

– Вивисекторах, – неожиданно подсказал деревянный

Скопендра.

– В-в-в... Ладно. Ладно! – Ингер быстро приходил в себя, ничего не скажешь. – Я вызову своих людей, – произнес он таким тоном, как будто речь шла о заказе обеда.

– Ты сначала выйди отсюда живым, – отозвался не на шутку разговорившийся Скопендра. – Любое постороннее средство связи в этих стенах блокируется. Так что...

– Вот оно как. «Выйди живым»? Инара, и ты позволишь, чтобы на твоих глазах убивали твоего брата? Ты позволишь своему Элькану...

– Ингер, он великий ученый, – глухим голосом проговорила она. – Позволь провести ему последний эксперимент. Уходи!

– Убийство людей ты называешь экспериментом?! – воскликнул Ингер и стиснул зубы. – Срыв важнейших работ, убийства и издевательство над нашими соратниками вы называете экспериментом? Сестренка, как ты могла? Раньше, когда мы жили под Ланкарнаком, ты исцеляла людей, а теперь ты помогаешь убивать? Неужели ты...

Мертвенная бледность покрыла лицо Инары.

– Уходи, Ингер, – глухо повторила она сквозь зубы.

Ингер, тоже бледный, со взором, мечущим молнии, произнес мерно, торжественно и звучно:

– Ну что же, вы не понимаете слов. Я хотел доставить его Леннару живым, придется доставить мертвым.

Его рука скользнула по бедру, к которому был прикреп-

лен плоский футляр. Элькан слишком хорошо знал, что находится в этом футляре, а по глазам Ингера он понял, что тот не остановится. Мучительная гримаса искривила лицо Элькана, и мгновением раньше, чем Ингер достал из раскрытого футляра смертоносный плазменный излучатель, из рукава ученого выскользнул крошечный метательный шип, он плотно улегся в ладонь, словно был притянут туда магнитом. И отточенным движением, почти без замаха, Элькан метнул его в грудь посланца Леннара.

Сначала Ингер не понял, что произошло. Он даже попытался поднять черный раструб плазмоизлучателя, но тут его тело дернулось в конвульсии, Ингер вскинул подбородок и стал заваливаться назад, на спину. Пытаясь устоять, он грузно упал на одно колено... К нему приблизился Элькан и грустно вымолвил:

– Прости. Я не хотел. Ты сам вынудил меня. Я должен во что бы то ни стало поставить этот последний опыт.

– Да поразит тебя... пресветлый Ааааму... да славится Имя... его...

Выговорив это, Ингер рухнул на спину, откинув правую руку с так и не пущенным в ход оружием. Но Элькан уже не смотрел на него. Его умом завладело другое. Слово «старик» и то, что свалилось на Элькана благодаря этому слову, было для ученого важнее здоровья и жизни Ингера, важнее того, что Леннар теперь никогда не простит. Тот, кто смог поднять руку на собрата по оружию и убеждениям, не может

удостоиться прощения.

– Я понял! – повторил Элькан, стоя над телом Ингера и не обращая внимания ни на расширившиеся в ужасе глаза Инары, ни на окаменелую позу Скопендры, который, верно, впервые в жизни позволил себе что-то вроде протестующего сдавленного восклицания. Взгляд ученого был прикован к ярко подсвеченному проему, за которым открывалась лаборатория, где лежал Гоз.

– Зачем ты это сделал?! – вырвалось у Инары. – Ты убил его!

– Нет, не убил... этот шип смазан парализующим составом. Если вколоть антидот, он очнется. Даже если не вколоть, то он придет в чувство через пару дней... а при удаче через три. Но я не об этом! Гораздо важнее другое, Инара, хорошая моя! Я понял! Я понял, в чем моя ошибка! Перемещение в пространстве, действие, которое осуществляют наши большие транспортеры, связано с разрывом пространственной структуры материи. Пространство тесно увязано с категорией времени, но почему, почему мне никогда не приходило в голову, что деталь, попадая в наш шлюз со склада откуда-нибудь с Шестого уровня, меняет и свой *возраст*?! Всё в тесном взаимодействии! Скажу навскидку, без предварительных расчетов: к примеру, деталь, преодолев расстояние в сорок белломов³, что приблизительно соответствует расстоянию от шлюза до склада номер тридцать три, стареет

³ 1 беллом приблизительно равен 0,7 км.

на тридцать лет! Нет, величина может быть иной, не тридцать лет, а тридцать часов или даже минут, но главное – не цифра, а принцип! Те же условные тридцать лет применительно к детали никак не отразятся на ее состоянии, тогда как живая плоть...

– Старик, – пробормотала Инара, и ее взгляд тоже коснулся изуродованного *временем* тела Гоza. – Он просто состарился... А как же эти уродства? Светящиеся ногти, маленькая голова вместо кисти?

– Маленькие погрешности в программе эксперимента, которые я устраню уже в следующем опыте. – (При слове «маленькие» на лице Скопендры впервые появилось нечто вроде улыбки, от которой, вне всякого сомнения, передохли бы все насекомые, попади они в стены блок-корпуса ученого Элькана.) – Неверная проекция... Да это и не суть важно! Я немедленно проведу этот опыт! На расчеты с лихвой достанет трех часов. Примерно столько у нас есть, прежде чем они хватятся Ингера.

– Ты говоришь «они» о наших братьях? – с горькой улыбкой произнесла Инара, качая головой и делая ударение на слове «братья». – Ты уже говоришь так?

– А что же? Будем называть вещи своими именами. После того что тут произошло, я не могу возвратиться к Леннару. Хотя я по-прежнему люблю и почитаю его и желаю ему удачи.

– Куда же? Обратно в Храм?

От ее убийственной иронии Элькан содрогнулся. Но, взглянув на Инару, он увидел, что по ее лицу текут слезы.

– Нет, моя девочка, – ответил ученый. – Там я даже не смогу рассчитывать на справедливый суд. Меня попросту умертвят, перед этим заставив провести бездну времени в страшных муках. В подвале, под пыткой. Нет. Я не могу... Мне нет места на этом Корабле. Его огромные недра уже не вмещают меня. Не плачь, не надо плакать, Инара... Ты заставляешь меня быть сентиментальным... быть смешным. Я не хочу.

– Куда же?.. – повторила Инара. – Куда деться с Корабля? Ведь транспортный шлюз еще не отремонтирован.

– Если мой опыт удастся, нам не потребуется никакого шлюза, – помолчав, ответил Элькан и качнул крупной седящей головой.

– Но... как же?

– Я скорректирую вектор телепортации туда... на голубую планету, куда упорно не желает направить Корабль Леннар! – воскликнул Элькан, и его потускневшие было глаза загорелись безумным вдохновением. – Я окажусь там, и будь что будет! Большие транспортеры способны перекинуть металлическую деталь весом в тысячу тонн за пару сотен беломов, а при необходимости перейти в М-режим и многократно увеличить эту цифру, но ведь я собираюсь телепортировать качественно иное – живую материю! И тут важен не столько градиент пространства, сколько градиент време-

ни! И тогда... я исчезну...

– А я? – вдруг сказал Инара.

– Что – ты? – не понял Элькан, осекшись, а потом по его лицу пробежала тень, и с выражением недоверия и тревоги он покачал головой.

– Я хочу с тобой.

– Со мной? Да сознаешь ли ты, моя хорошая, на что ты идешь, соглашаясь на это безумие? Неужели ты хочешь очнуться сморщенной уродливой старухой на берегу какого-нибудь темного, жуткого океана, кишашего гадами? Или слепой пятилетней девочкой на снеговом склоне громадной горы? Или самой собой, но посреди скопища кровожадных дикарей или чудовищ, жаждущих сладкой женской плоти? Ведь все это может произойти, стоит мне допустить малейшую ошибку в построениях и расчетах!

– Я понимаю, – тихо ответила Инара. – Но как иначе? Я верю тебе. Я люблю тебя. Я всегда думала, что мне не везет в любви... Сначала я считала, что люблю Леннара, наше солнце и нашего вождя, который оказался недостижим для меня. Теперь я полюбила тебя, умнейшего из живущих. Что мне до пытки, которой грозит твой эксперимент? Я не хочу оставаться здесь. Вечная борьба, вечная погоня за справедливостью, кровь, вера, снова кровь! Леннар велик, но сколько можно?..

Элькан опять покачал головой, но тут заговорил Скопендра, который за этот день и так произнес больше слов, чем за

год жизни:

– Не гони ее, мудрый съор Элькан. Если она так верит во всемогущество твоего разума... если она не может без тебя... Я тоже... Я – пес, который охраняет тебя. Который ест с твоей руки. Некогда ты спас мне жизнь, сняв с пыточного станка в застенке Храма, и дал свободу. Куда мне без тебя? Испепели меня Илдыз, но к демонам такую жизнь! Если ты уверен, что сможешь... сможешь сделать то, что сказал... мы пойдем за тобой.

И Скопендра, переведя дыхание, замолчал, утомленный этой неслыханно долгой для него речью. И даже его дурацкое лицо не казалось теперь смешным.

– Ну что же, – торжественно сказал Элькан, – да будет так! Но как же Леннар? Ведь вы верили в него, а теперь уходите вместе со мной? Быть может, на смерть? Уходите за грех, в котором неповинны?

– Ты заговорил словами уличного проповедника, Элькан, – с печальной усмешкой сказала Инара. – Тебе не идет... Пошли в лабораторию. Нельзя терять времени. Скопендра, отнеси Ингера в мою спальню. Негоже ему валяться тут на полу, как немытому бродяге или вонючему деревенскому скоту.

Потянулось драгоценное время, последние часы и минуты пребывания на Корабле, а быть может, в этой жизни. Элькан молчал, погруженный в вычисления, и яркие блики ложились на его массивное лицо. О чем думала Инара, было

написано на ее нежном бледном лице, а вот прочесть мысли Скопендры не сумел бы даже самый опытный физиономист, вышедший из недр леннаровской Академии. Взорвавшись речью о преданности Элькану, ассистент ученого снова стал прежним деревянным Скопендрой, существом с муляжной головой и бочкообразными бедрами.

Наконец Элькан откинулся назад, и его утомленное лицо просветлело.

– Ну что же, – сказал он, – пришло время. Вы не изменили решения? Инара? Ты, Скопендра?

– Нет.

– Нет.

Последнее «нет», пророненное Скопендрой, словно взорвало тишину, которая царила в стенах личного блок-корпуса Элькана и собственно лаборатории несколько часов. В дверь неистово забарабанили, и чей-то мощный голос, многократно приглушенный звукоизолирующими переборками, все-таки прорвался внутрь:

– Что-то случилось! Вызовы блокируются! Что-то случилось с Ингером и мудрым съором Эльканом!

– А, они же еще не знают. – Лицо ученого-преступника осветила грустная усмешка.

– Ломайте двери!!!

– Ну что же, – торжественно проговорил Элькан, – становитесь. Сюда... где недавно стоял Гоз. Я встану последним. Мне же нужно запустить приборы... Да, чуть не забыл. Вот

портативный малый транспортер. Мы возьмем его с собой. Ну... начинаем.

Цветок раскрылся над головами Инары и Скопендры, вставшими на полушарие, и засветилась чистейшим пламенем голубая призрачная игла. Что было дальше, легко представить... В самый последний момент, уже отрегулировав работу приборов и введя новые расчетные данные, Элькан хищным прыжком достиг полушария, возвышающегося над ребристым полом лаборатории, и встал бок о бок с Инарой и длинным Скопендрой.

Они еще успели увидеть искаженные изумлением и ужасом лица людей Ингера, ворвавшихся в лабораторию, а потом перед глазами *уходящих* за клубилось неистовое сетчатое пламя, сотканное из мириад крошечных игл, и все померкло.

*Корабль, Четвертый уровень (Ганахида),
Первый Храм*

Много лет нога первосвященника не ступала в подвал, где сидел обвиненный в пособничестве Обращенным, этим проклятым мятежникам, Ревнитель. Пособника звали Алькасоол, он принадлежал к высшей знати Храма и числил за собой немало славных деяний. Одним из славных деяний было то, что он сумел внедриться в Академию Леннара и, проведя там большую работу, вернуться. Вернуться живым, невредимым. Все это нисколько не помешало храмовникам из партии Аленга добиться его заключения под стражу. Добиться в обход прямых распоряжений Сына Неба.

И вот наконец Верховный сам спустился к Алькасоолу в подземелье, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Он прошел длинным коридором, дождался, пока дюжий стражник Ревнитель откроет массивную дверь камеры, и, войдя, остановился в шаге от узника, почтительно склонившегося перед гостем.

– Благословите, отец, – глухо произнес узник.

Первосвященник молча воздел руки. На некоторое время в камере повисла глухая тишина. Затем узник поднял взгляд и тихо спросил:

– Почему?

Первосвященник вздохнул.

– Я не всевластен! – И после короткой паузы добавил: – Я не могу допустить еще и раскола Храма.

Брат Алькасоол едва приподнял голову, и остро блеснули его глаза под приспущенными веками. Опытный физиономист, быть может, обнаружил бы на лице лазутчика признаки удивления и даже некоторой оторопи, а глава Храма конечно же являлся таким знатоком человеческой природы. Но в этот момент он даже не смотрел на младшего собрата.

– Я провел большую работу, – глухо сказал Алькасоол. – Я провел невиданную работу. Я знаю теперь о Леннаре и его власти, его людях и Академии едва ли не больше, чем все прочие братья Храма, вместе взятые. Возвращаясь сюда – о, это возвращение не было легким! – я не без оснований рассчитывал на благодарность. Или хотя бы на выжидающее молчание. Но нет. Иерархи из Аленга рассудили по-иному. Да, я знаю, единство Храма давно поколеблено. Я даже знаю, что разрушена Уния, древнее положение, согласно которому обучение в храмовых меренгах и даже в самом Большом Басуале⁴ приведено к единообразию. Сейчас же в соседних кельях учат по-разному, а юные послушники и даже будущие светские терциарии не знают, кто из отцов-преподавателей прав!

– Ты сказал верно. Храм давно подточен ересями. Колеб-

⁴ Меренги – образовательные структуры Храма; Большой Басуал – высшее учебное заведение Храма, сопоставимо с университетом.

лются даже те, кто умен, честен и тверд. Я не уверен, могут ли доверять даже братьям из крыла Куньяло, тем, кто вознес меня к власти. Про светлых жрецов Аленга, непримиримых, я и не говорю! В таких условиях трудно блюсти Чистоту, заповеданную предками.

– Еще немного, и уже не потребуются армии Леннара, чтобы снести Храм!

– Ты прав, брат Алькасоол. И потому единственным условием твоего освобождения будет уступка «усталым». Они требуют продолжения войны, мы, те, что вышли из крыла Куньяло, уже понимаем бессмысленность этой мясорубки, но сейчас – твое слово. Ведь ты знаешь *средство*.

Брат Алькасоол уже не поднимал головы. Он смотрел в стену. Синий полумрак стелился по его лицу. Сын Неба спросил:

– Так ты выступишь перед высоким собранием?

– Да.

– Что же, да пребудет с тобой вера. Я подготовлю Конклав. Через несколько дней ты будешь освобожден.

Верховный предстоятель Храма, носящий громкий титул Сын Неба и простирающий свою власть на Храмы на всех уровнях Арламдора⁵, сидел в своей ложе в зале Молчания и холодно взирал на стоящих перед ним братьев из ордена Ревнителей. Потом он поднял взор и оглядел все пространство зала, в котором восседали сановники Большого Храмо-

⁵ Арламдор и Корабль считаем тождеством.

вого Конклава.

– Но как же так? – недоуменно говорил омм-Галидааль, старший Ревнитель одной из Нижних земель, государства Кринну (к слову, практически полностью контролируемого Обращенными этого проклятого Леннара, сожри его Ил-дыз!). – Как же так, пресветлый отец? Ты в самом деле послал переговорщиков к этому...

– Не трудись перечислять его бранные титулы, брат Галидааль, – прервал его Верховный, – негоже человеку в таком сане осквернять уста столь низкими словами. Кроме того, храбрый брат мой, ты хотя и посвящен в сан, но до сих пор не научился соизмерять свои желания и свои возможности. Каково наше желание? Уничтожить бунтовщика Леннара и его рати. Каковы наши возможности? Явно недостаточны для того, чтобы поступить согласно желаниям, ибо многие верующие чтят Леннара как земную ипостась пресветлого Ааааму, чье истинное Имя неназываемо. То, что недавно было ересью, после Ланкарнакской бездны, разорвавшей и поглотившей Второй Храм, перестало быть ею. Мы можем воевать против человека. Но мы не можем, не имеем права выступить против бога. Сам я, да замкнутся уста мои при слове лжи, не могу допустить божественности бунтовщика. Но ведь предначертанное в Книге Бездн свершилось! Свершилось до единого слова! И уже никто не может отрицать этого, ибо многие видели это собственными глазами – в том числе и некоторые из присутствующих здесь, в ганахидском

зале Молчания! Я не верю, что ты настолько глуп, брат Галидааль, что можешь допустить, будто голыми руками можно остановить реку, вычерпать озеро! Я уже поддался однажды вашим уговорам, послал Леннару черную перчатку. Черный – цвет гнева. И что же? Вы что, не помните, что было, когда весть об этом кто-то заронил в чернь? Кажется, ты, брат Галидааль, был далеко от своего исконного Храма в Кринну, когда гневная толпа штурмовала его и убивала всех жрецов, какие только попадались под руку! А разве неизвестно вам, что в народе идет молва о богине Аллианн, которую мы же сами пробудили от сна и которая узнала Леннара и назвала его по имени?! Стыдись, брат Галидааль! И да устыжусь я своей недавней слепоты, когда согласился на продолжение этой войны, которую многие в народе уже считают богоборческой! Нет!!! – загремел Верховный предстоятель арламдорского Храма, вставая в полный рост и вознося к куполу зала обе руки. – Мы не можем победить Леннара до тех пор, пока не убедим народ в его самозванстве!

По огромному залу прокатился ропот. Вообще-то никто не смел говорить здесь без разрешения Сына Неба, прочие были обязаны молчать – отсюда и происходило название «зал Молчания». Но слишком многие законы оказались отринутыми, слишком многие традиции утратили свою силу на фоне событий последнего – грозного – времени. И потому ропот прокатился несколькими волнами, с каждым разом разрастаясь и укрепляясь. Некоторые из присутствующи-

щих храмовых сановников даже вставляли в полный рост, выкидывали перед собой руки с растопыренными пальцами, жестом этим демонстрируя свое несогласие, и говорили во весь голос:

– Мы уже попытались, когда пробудили богиню Аллианн!

– Как можно убедить глупую чернь? Только силой!

– Меч и кровь!

– Может быть, кому-то пойти в народ с проповедью о том, кто таков на самом деле этот подлый проходимец?

Подавляющее большинство высказывавшихся принадлежали к партии Аленга, «усталым», как их называли злые языки, – внутрихрамовому крылу, опирающемуся на доскональное соблюдение Устава и вековых традиций.

Находились и такие:

– Придержи язык! Я собственными глазами видел, как разверзлась бездна в Ланкарнаке! Как и сказано в Книге...

Голос Верховного предстоятеля перекрыл шум высокого храмового собрания:

– Не уподобляйтесь детям Илдыза, злоречивым и многоречивым демонам! Ведите себя как приличествует служителям Храма! Есть, есть последнее средство проверить, кто таков этот волнующий умы столь многих!..

Зал Молчания мало-помалу стал соответствовать своему красноречивому названию: волнение улеглось, примолкли даже самые буйные. Лишь у дальней колонны, украшенной камнями и инталиями тонкой работы, отображающими свер-

шения пресветлого бога Ааааму, бесновался некто. Эпитет «бесноватый» подходил ему в полной мере: грузный, неповоротливый мужчина со слюнявыми потрескавшимися губами и тройным подбородком подпрыгивал, потрясая монументальным брюхом, размахивал толстыми ручищами, открывающимися из-под бледно-голубых рукавов храмового облачения, и выкрикивал что-то бессвязное и маловразумительное. Бледно-голубые глаза, обведенные светло-коричневыми кругами, были выпучены, словно ему придавили некий орган. Этим милым упитанным человеком был омм-Гаар, бывший Стерегающий Скверну ланкарнакского Храма, ныне лежащего в руинах. По храмовому закону каждый из тех, кто занимал пост Стерегающего в любом из Храмов Арламдора, имел право на место в Большом Конклаве в Ганахиде при священной особе Сына Неба. Так что пребывание Стерегающего Скверну из ланкарнакского Храма в составе Конклава доказывало всем, что ланкарнакский Храм по-прежнему жив и действует. И потому священная особа и прочие члены Конклава были вынуждены терпеть это полусумасшедшее существо бок о бок с собой. Действительно, после знаменитого катаклизма в Ланкарнаке омм-Гаар несколько повредился в уме и стал еще более несносен, чем в пору своего предстоятельства.

Верховный досадливо махнул рукой (исключительная редкость для такого сана!) и заговорил, не дожидаясь окончания танца омм-Гаара:

– Мы можем переиграть Леннара и его Обращенных только в одном случае: если лучше него сможем управлять построениями в народе. Направлять умы, умирять недовольных. Главное – быть не только сильным и не только хитрым, главное – это знать, когда ты должен быть сильным, а когда хитрым. Это тот постулат, на котором держится полуторатысячелетняя история власти нашего Храма! Народ, – продолжал Верховный предстоятель тем же дидактическим тоном, – простит скорее свирепого правителя, чем слабого. Я слышал, что в рядах армии Леннара тоже отнюдь не процветают всепрощение и прекраснодушие. Доподлинно известно, что, когда брат личного телохранителя Леннара Квана О проявил трусость, Кван О собственноручно отрезал ему голову...

Раздались голоса:

– К чему все это?!

– Кван О – бешеный дикарь со Дна миров, из проклятого Эларкура! Как вообще можно произносить его мерзкое имя под сводами священного зала Молчания?!

Верховный предстоятель помедлил, зорко оглядывая раскинувшийся перед ним зал, задержал взгляд на омм-Гааре, который продолжал подпрыгивать и невнятно жестикулировать, а потом, явно приняв какое-то непростое решение, кивнул высокому мужчине в бледно-желтых одеждах, препоясанному ярко-красным поясом:

– Брат Алькасоол!

Тот поблагодарил Сына Неба за честь быть названным, приложив правую руку к левому плечу и склонив голову. Потом он шагнул на возвышение по левую руку от Верховного предстоятеля и заговорил низким, рокоchущим басом:

– Отцы и братья! Я омм-Алькасоол, бывший Ревнитель ганахидского Храма, который был заслан лазутчиком в Академию Леннара, и единственный, кто сумел вернуться оттуда живым, к тому же с ценными сведениями.

– И с врожденной скромностью, – захлебываясь желчью и злобой, прохрипел у колонны любезный омм-Гаар, и все три его подбородка с готовностью трепыхнулись, словно выражая согласие с глубоким замечанием своего обладателя.

Впрочем, никто не обратил на Гаара никакого внимания. Все напряженно смотрели на бывшего лазутчика, державшего слово на возвышении. Алькасоол продолжал:

– Я хотя и учился многим премудростям в Храме, как то: риторике, философии и медицине – но все же в первую очередь я человек военный, потому буду говорить напрямую и, что бы вы тут ни услышали, прошу вас – сдержите гнев, сдержите во имя будущего Храма! Я продолжаю. Многие из нас прекрасно сознают истинные цели Храма и соизмеряют эти цели с глубиной собственной, подчеркну – собственной – веры! Но для многих из нас, в том числе и для тех, кто сидит здесь, в этом зале, Чистота, вера в пресветлого Ааааму, Святую Чету и иных богов – всего лишь веками отточенный инструмент управления народонаселением... Я же просил: до-

слушайте! – чуть возвысил он голос, но не это, а жест Сына Неба, адресованный стражам-Ревнителям, заставил возмущенных слушателей слегка умерить пыл.

Омм-Алькасоол снова заговорил:

– Да, для многих из нашей среды вера – в первую очередь инструмент власти. И пагубно не то, что я, по мнению многих, произношу в этом святом месте столь святотатственные вещи – меня, в конце концов, можно очень просто заставить заплатить за эти слова, ибо я здесь, перед вами. Пагубно иное – что все сказанное мною прекрасно сознает Леннар, сознает и использует против нас! Я был в Академии. Я частично прошел обучение по нескольким курсам и лично знаком с самим Леннаром. Чем он держит своих сторонников, на чем зиждется его власть и где корни той безмерной преданности, которую питают к нему Обращенные? Думаете, все это только благодаря вере в то, что он – действительно воплощение пресветлого Ааааму в нашем грешном мире? Уверяю вас, соратники Леннара не придают никакого значения его божественности, мнимая она или же имеет под собой фундамент. Для них это не важно...

До омм-Гаара слова его мудрого собрата по Конклаву доходили приглушенно, словно сквозь тяжелый, мерно колышущийся багровый полог, разрывающий пространство зала Молчания надвое. Сам омм-Гаар не был в состоянии воспринимать те, правда, не самые простые истины, которые доносил до высокого собрания брат Алькасоол. Тому виной была

ненависть. Ненависть жгучая и опустошающая, выжигающая рассудок, как сухой и светлый колючий ветер пустыни выжигает каждый клочок растрескавшейся мертвой земли. Речь брата Алькасоола откладывалась в мозгу омм-Гаара кусками, волнами, разнородными напластованиями, порой совершенно не связанными друг с другом.

– ...На сторону Леннара перешли уроженцы многих земель, – говорил омм-Алькасоол, – это и суровые туны и альды, аэрги из Беллоны, и свирепые наку, и медлительные уроженцы Кринну, и расторопные арламдорцы, есть там и те, кто рожден на благословенной земле Ганахиды, видал я там и таких, кто в свое время служил тут, в Горне, во благо Первого Храма! Я скажу, отчего Леннар держит в кулаке армию таких разных людей, из разных племен, иногда разной веры, которые в других условиях мгновенно перегрызли бы друг другу глотку. Во-первых, он дал им общую цель, одинаково близкую всем. Во главу угла ставится освобождение от Храма, даже не от самого Храма, а от той разветвленной системы запретов, которую мы неукоснительно блюдем вот уже много веков. А людям свойственно ненавидеть запреты, и лишь немногие способны понять, что будет, если запреты падут, и потому различить, насколько необходим тот или иной запрет. Тем более, – он вновь возвысил голос, потому что среди слушателей снова возник ропот, – многие из этих запретов, которые Храм освящал своим именем, установлены отнюдь не потому, что были необходимы, а потому, что так

было нужно кому-то, что так было легче, так было спокойнее... А народ, что ж, народ привык терпеть. К тому же людям некуда было деваться. Ибо Храм был всё и был всем в Арламдоре... И вот это изменилось! Леннар возвысил Обращенных, вручив им знание, которым ранее владели только мы, и много такого, о чем не ведал и Храм! Кстати, он не считает именно нас самыми главными врагами, говоря, что главного врага нужно усматривать в себе самом – в своей косности, лени, жестокосердии и нежелании совершенствовать мир внутри и снаружи себя...

Ропот в зале Молчания стал настолько сильным, что докладчик, сделав паузу, счел нужным резко перепрыгнуть на другую тему:

– Во-вторых, Леннар никогда не отдает невыполнимых приказов и умеет оценивать соотношение сил и возможностей с трудностями той или иной боевой задачи. Многие же из наших полководцев грешат тем, что ставят цели совершенно невыполнимые, а за неисполнение карают смертью! В-третьих, Леннар заботится о своей армии, его доверенные люди контролируют поставки продовольствия, обмундирования, оружия. В то время как некто брат Глекаал, сидящий в этом зале, не далее как в прошлом месяце умудрился на несколько дней оставить без еды полки, находившиеся под его командованием и совершавшие марш-бросок навстречу войскам Леннара. Любезный омм-Глекаал полагал, что солдаты сами добудут себе пищу грабежом и маро-

дерством. Неудивительно, что эти полки потерпели жестокое поражение в первой же битве. Кстати, и грабеж, и мародерство в армии Леннара запрещены. Нарушителей карают очень сурово: попавшихся повторно на нарушении запрета казнят на месте.

– Мои солдаты потерпели поражение не потому, что были голодны, а потому, что эти ублюдки применили демонское оружие, изрыгатели огня – то, что проклятые наку называют «дитя молнии»! – протянулся из рядов высокого Конклава негодующий голос.

– Любезный омм-Глекаал имеет в виду плазмоизлучатели, – насмешливо пояснил докладчик, – в самом деле страшное и непостижимое для большинства из нас оружие. Но да будет вам известно, что это оружие никогда не применяется в полевых сражениях в силу различных обстоятельств, да и на всю Академию имеется лишь полсотни образцов такого оружия. Леннар отказался от применения плазмоизлучателей после того, как в одном из боев его собственная армия потерпела поражение. Выстрел из плазмоизлучателя привел к тому, что многие из воевавших в рядах его же собственной армии, увидев вспышки огня, пали ниц и стали молиться, чем и воспользовался опытный и выдавший виды отряд Ревнителей! Более того, после второго выстрела плазмоизлучатель взорвался, посеяв смерть в рядах Обращенных! Да, плазмоизлучатель имеется почти в каждом крупном соединении леннаровской армии, хранится в штабе наряду со зна-

менем и казной, и применять его можно только тогда, когда отряд попадает в окружение и нет более надежды спастись. Кроме того, в это оружие встроен адский механизм, вызывающий взрыв. У нас было три возможности взять «дитя молнии» в качестве трофея, но всякий раз оно взрывалось, унося немало жизней...

Гаар замотал головой. «Немало жизней»! Он не слышал Алькасоола. Он не видел лица докладчика. Лица иные мелькали перед мысленным взором, и вставляли, вставляли развороченные руины того, что еще недавно было ланкарнакским Храмом... Пророчество... Катаклизм и гибель, гибель неминуемая... Книга Бездн... Убить Леннара...

— ...Так что смешно говорить о том, что власть Леннара над соратниками и покоренными им землями держится на одном или нескольких атрибутах божественности. Тут, конечно, тоже есть исключения: так, дикари наку, вступившие в ряды его сторонников, вполне осознанно принесли ему присягу именно как высшему существу, богу! Тут есть примечательный момент. Храм много лет воевал с дикарями Эларкура, этими свирепыми наку. Война длилась много столетий, лучшие армии Храма, имеющие в своем составе и отборные отряды Ревнителей, вторгались в Желтые болота всякий раз, чтобы потерпеть поражение и навсегда остаться в вонючих топях. Леннару же приручение наку далось легче, чем нахождение общего языка с представителями других народностей, например с беллонцами. Он просто дал им ре-

лигию. Новую, полноценную, ведь у наку символ веры ограничивался свирепыми ритуальными обрядами. Леннар сразу оценил народ наку, недаром главой его охраны является Кван О, а один из братьев Квана О, Майорг О-кан, возглавляет летучий разведывательный отряд Академии. Наку приняли служение Леннару как некий сложный религиозный ритуал, а обучение всему тому, что до сих пор не укладывалось и не могло уложиться у них в голове и сердце, они восприняли как определенный обряд. Я сам видел, как они молятся на пищевые аппараты и на светящиеся глаза памятных машин! Даже когда им дали в руки мощнейшее древнее оружие, изрыгающее гибельное пламя, они и тут не отошли от своего взгляда на вещи... Они называют эти плазмоизлучатели «дети молнии» и, прежде чем воспользоваться этим оружием, возносят короткую свирепую молитву одновременно и Леннару, и своим племенным демонам...

– Племенным демонам, – пробормотал омм-Гаар, и его слух снова заволокло жарким, зыбко колеблющимся туманом, через который не продирались звуки. Когда же он снова смог понимать слова оратора, он услышал такие речи омм-Алькасоола:

– Мы думали, что земли, вырванные из-под власти Храма, лишившись его заботливой руки, придут в полное небрежение. Но и этого не произошло! Леннар решил все четыре основных вопроса: вопрос управления и сообщения, продовольственный вопрос, идеологический и религиозный во-

прос, ну и, наконец, вопрос топливно-энергетический...

– Какой?

– В холодное время наши дома отапливаются дровами и высушенным калом животных, – насмешливо пояснил Алькасоол, – это и есть топливо. Каждый из нас пользуется такими накопителями тепла и источниками света, как «палец Берла», – это и есть энергия... Вернусь к четырем вопросам Леннара. Так вот, прежде всего он установил четкую систему подчинения. В каждом крупном городе он оставил небольшой гарнизон, подчиняющийся только его доверенному лицу – *кастуэну*. Кастуэн же подчиняется самому Леннару и никому более и по всем вопросам тут же сносится с Академией при посредстве Дальнего Голоса, древнего прибора связи, до недавних пор разрешенного к употреблению только в Храме и нигде более! Далее: вопрос продовольствия...

– Продовольствия, – машинально вытолкнул Гаар. О каком, к демонам, продовольствии он тут несет и какое отношение это имеет к благородной цели: уничтожить Леннара?! Подспудно рассудок омм-Гаара брал из доклада бывшего лазутчика только то, к чему в свое время и сам бывший Стерегающий был причастен. Так что ему до того, какими дьявольскими ухищрениями Леннар сумел накормить народ?!

– Я клоню к тому, – продолжал омм-Алькасоол, снова выныривая из сумерек сознания брата Гаара, – что Леннар, собрав слишком разнородное сообщество Обращенных, даже при умелом управлении рискует тем, что созданная им си-

стема может выйти из равновесия. Более того, это уже происходит. Приведу простые примеры. Лучшее всего Леннару удалось провести реформу там, где правит королева Энтолинера – в Ланкарнаке и прилегающих к столице королевства Арламдор территориях. Кстати, Обращенные называют эти Земли Пятым уровнем⁶. Я был в Ланкарнаке совсем недавно. Никаких последствий страшного катаклизма, разрушившего едва ли не весь центр города, не осталось. Все разрушенное восстановлено, да и построено немало нового. Академия развернулась вовсю. По всей видимости, Ланкарнак – это этакий пробный камень в реформах Леннара. Я бы рассказал обо всем том, что делается там, и подробнее, но мой доклад посвящен не этому. Итак – о главном, братья. Так или иначе, но система Леннара в значительной степени держится на его личных качествах, на его умении подбирать людей и манипулировать ими. Немало есть честолюбивых Обращенных, кому воля Леннара не дает запрыгнуть на новую ступеньку, более полно насладиться благами, которые дают власть и знание... Я старательно отслеживал таких... И если поколеблется вера во всесильность и совершенную неуязвимость Леннара, то...

– То?..

– В моем присутствии, – мерно выговорил бывший лазут-

⁶ Уровни Корабля, начиная с верхнего: 1) Эристон; 2) Гелла, или Немая страна; 3) Беллона, страна Сорока Озер; 4) Ганахида, сердце Храма; 5) Арламдор, со столицей Ланкарнаком; 6) Кринну, страна мудрецов; 7) Согдади; 8) Эларкур, Дно миров.

чик, — в моем присутствии он в шутку говорил: «Познанный бог — мертвый бог. Неужели вы хотите меня умертвить?» Кстати, эти слова Леннара легли в основу учения сардонаров, учения в самом деле мерзкого, исступленного и богопротивного!

Легла тишина. Видно, в самом деле эти сардонары владели учением мерзким и богопротивным, если никто не хотел сказать о них и слова... Алькасоол высоко поднял голову и отчеканил:

— Я знаю способ, как уничтожить Леннара. Нужно пойти... на примирение с ним. Есть Круглый зал, древнее место для переговоров. И есть Камень Примирения, последний из пяти, дошедший до нас еще из времен Исхода...

— Говори!

— Говори!

Представители двух враждующих сторон, встреча которых еще недавно казалась возможной только в кровопролитном бою либо в пыточных казематах Храма, медленно сходились. Дипломатическое рандеву было назначено в длинном каменном тоннеле, являвшемся одной из точек доступа к транспортному отсеку Четвертого уровня. Тоннель, как сказала бы ироничная королева Энтолинера, был оформлен в чисто арламдорском стиле, без малейшей примеси высоких технологий леннаровской Академии: два длинных мрачных коридора, пересекающихся под углом и скупо освещенных факелами, гулкие каменные плиты, беззубые пасти глубоких стенных ниш... Два коридора, по каждому из которых медленно продвигалась соответствующая делегация, сходились в довольно большом круглом зале, посреди которого стоял длинный каменный стол. В столе торчал старинный ржавый меч, перевитый тусклой жестяной лентой, – символ готовности идти на примирение. Тоннель помнил не один десяток подобных переговоров, в его гулких стенах еще перекликались голоса тех, кто звучно диктовал условия, горделиво хотал в ответ или же, припав грудью к старому каменному столу, молил о пощаде тонким, сбитым фальцетом...

Но такой встречи старому тоннелю, древнему Круглому залу видеть еще не доводилось.

Первым в Круглый зал вошел высокий воин наку в коричневой кожаной накидке, перехваченной у горла поблескивающей застежкой. У него было смуглое, ничего не выражавшее костистое лицо; лысый татуированный череп перетянут плотной желтой повязкой. Вдоль бедра, задевая лезвием бахрому грубого шва на кожаных штанах, покачивалась обнаженная секира. К поясу, в нескольких местах перехваченному массивными металлическими ободами, был прикреплен плазмоизлучатель, который, как известно, воины наку называли «дитя молнии». Такая эклектичность вооружения несколько не смущала воина, к тому же это был не кто иной, как родной брат Квана О, отважный Майорг О-кан. За ним, вытянувшись в четкую шеренгу, шли Обращенные. В их числе было немало руководителей достаточно высокого звена, в том числе глава информационной сети Лайбо, из Первообращенных.

Ни Леннара, ни Квана О среди них не было.

По всей видимости, это обстоятельство немало смутило посольство Храма. Глава этой дипломатической миссии, старший Ревнитель омм-Эрриваан, поднял затянутую в голубую перчатку руку в знак мира и возгласил:

– Миссия великого Храма и братья ордена Ревнителей, прибывшие на переговоры, хотели бы узреть среди вас вашего предводителя и вождя, прозываемого Леннаром!

Лайбо, стоявший за спиной Майорга О-кана, выразительно кашлянул. Тот сделал несколько шагов в сторону камен-

ного стола и, ответно подняв руку, сказал громко и хрипло:

– Мы знаем, что все вы жрецы Храма в высоком сане и братья-Ревнителю. Нам известна ваша высокая доблесть, но нам известны и ваша хитрость и отменная изворотливость. – (Глава миссии Храма даже поднял брови, явно не ожидал от неотесанного и прямодушного наку такой нарочитой недипломатичности.) – Люди с двумя сердцами не могут говорить всей правды. Я должен обыскать вас, чтобы быть уверенным, что у вас нет оружия и иных вредоносных вещей, имя которым суть смерть и гибель страшная.

Младший брат Квана О явно прошел неплохую школу красноречия. Недаром его выдвинули в авангард переговорной миссии. Тут же выяснилось, что в обязанность младшему из клана О-рего (Желтой Лягушки) вменяется не только завязка переговорного процесса. Майорг О-кан быстро обогнул древний каменный стол и, бестрепетно приблизившись к десятку жрецов Храма в голубых облачениях и Ревнителю, затянутых в известные всему Арламдору зловещие красные пояса, сказал:

– По одному. Я должен увериться, что при вас нет оружия. Что медлите? Во имя всех богов!.. Каждое потерянное мгновение приближает нас к желтой бездне, откуда нет возврата! – вдруг взревел Майорг О-кан.

Это было ритуальное восклицание племени наку, но было оно сказано на понятном храмовникам языке, а слово «бездна» слишком свежо, слишком остро и жутко переключи-

калось с недавними катастрофическими событиями в Ланкарнаке... Предводитель храмовой миссии, старший Ревнитель брат Эрриваан, позволив себе только короткую гримасу недовольства, шагнул под пронизывающий взгляд воина наку. Тотчас же проворные шестипалые руки уроженца проклятого Эларкура обшарили храмовника с головы до ног, не забыв даже узких кожаных *дреббов* с высокой шнуровкой – излюбленной обуви знатных служителей Храма. Той же унижительной процедуре подвергся каждый из участников посольства, но сколь бы ни была она унижительна – а в этом не сомневался решительно никто из гордых блюстителей Чистоты мира, – все предпочли оставить при себе слова возмущения и гнева. «Ты еще поплатишься, грязный наку», – верно, думал каждый из них, мысленно представляя, как мозги этого шестипалого скота, фонтаном брызнув из-под расколотого лысого черепа и смешавшись с кровью, текут по древней стене. Обыскивая последнего из парламентаров, Майорг О-кан нащупал под одеждой щуплого жреца что-то твердое, граненое, размером примерно с ладонь трехлетнего ребенка. Не дожидаясь, пока Обращенный вытащит подозрительный предмет из-под облачения, жрец сам извлек под тусклым пламенем факелов массивный кристалл-многогранник неправильной формы, глубоко отсвечивающий зеленым. Он походил на две сращенные пятисторонние пирамиды. Ограненный, кажется, нарочито грубо и фактурно, он тем не менее производил сильное впечатление. В глубине

камня танцевали искорки и, ломаясь, искривлялись пласты света. Майорг О-кан грозно сощурился... В его роду не любили таких красивых камней, потому как считалось, что они в большинстве своем талисманы и амулеты...

Глава миссии Храма сказал:

– Это знаменитый древний Камень Примирения. Много столетий Храм не вручал никому подобного Камня. Это последний из Камней, дошедших до нас из глубокой древности. Существует легенда, что если этот Камень Примирения перейдет из рук в руки, то даритель и тот, кому подарили, никогда не смогут сойтись в бою друг против друга. Примирение!

– Ну, нам известно, что в Храме много интересных диковин, – насмешливо отозвался Лайбо, который, даже заняв серьезный пост при Леннаре, не утратил веселого и язвительного нрава. – Майорг, отдай им обратно эту штуковину. Потом посмотрим, может, они на самом деле... Проверь еще раз! Гм... В любом случае мы имеем представление о технических возможностях Храма... а они... гм... сущие пустяки... Не засадили же они в эту штуковину взрывчатку, да и не было ее у них сроду.

Последние несколько фраз были сказаны вполголоса и адресовались Арруну, знатному и ученому уроженцу Ганахиды, также занимавшему серьезный пост в Академии Леннара. Тот отозвался:

– Храмовники любят позерство и символические жесты...

Наверное, это наш случай. Но где сам?..

Лайбо выставил нижнюю челюсть и выговорил с усилием:

– С ним снеслись из шлюза, ну, того, где... Я слышал, что-то произошло с Эльканом. Однако давненько мне не приходилось видеть у Леннара такого каменного лица, как сейчас, когда ему сообщали новости из шлюза.

– Так что же такое? – тихо спросил Аррун. – Быть может, это имеет какое-то отношение к делегации храмовников?

– Едва ли... Хотя... Не помешает принять все меры предосторожности. Вон как Майорг орудует...

Тем временем произведший повторный досмотр посллов Храма Майорг О-кан выпрямился во весь немалый рост и, оказавшись по свою сторону переговорного стола, сделал приглашающий жест. Как выяснилось, он адресовался не Лайбо, Арруну и иже с ними. Точнее – не только им. Из глубокого жерла плохо освещенного тоннеля докатился еле заметный гул, дрогнуло пламя факелов – и в Круглый зал для переговоров вплыл открытый гравитолет, на котором, выпрямившись во весь рост, стояли трое. Это были Ориана, Леннар и начальник всей службы безопасности Академии и личный телохранитель Леннара Кван О.

Леннар понимал толк в эффектных ходах: при подобном появлении главы Обращенных жрецы и Ревнителю, присланные Сыном Неба для ведения переговоров, вздрогнули как один, а маленький шуплый жрец, у которого Майорг О-кан обнаружил Камень Примирения, и вовсе пошатнулся на под-

гибающихся ногах и, прошептав под нос слова охранной молитвы, вытер взмокший лоб тыльной стороной ладони. Гравитолет плыл на высоте человеческого роста, едва не задевая массивом рабочей двигательной платформы затылки Обращенных. Леннар, закутанный в темно-синий плащ, бесстрастно взирал на делегацию Храма. Не без труда он заставил себя сосредоточиться на этом сложном, важном вопросе – начале переговоров с сильным, хитрым и хищным врагом. Мысли были заняты совсем другим... Элькан, Элькан! Нелегко будет распутать клубок мотивов, побудивших ученого так поступить! Нелегко понять, что подтолкнуло его и тех, кто был с ним, к уходу. Нет, нельзя, не следует сейчас думать об этом! Переговоры – прежде всего...

Между тем старший Ревнитель брат Эрриваан, сдержанно и не без внутреннего трепета поприветствовав Леннара, заговорил:

– Прежде чем проронить хоть слово о деле мира, позволь мне по поручению Верховного предстоятеля арламдорского Храма, Сына Неба, держателя законов Чистоты, преподнести тебе сей древний артефакт. Это Камень Примирения, последний из пяти... Легенда гласит, что это окаменевшая кровь забытого падшего бога, который, умирая, вознес пресветлому Ааааму молитву о прощении. Я сознаю, что и ты, и я далеки от того, чтобы доверять этому безоговорочно или вообще в какой бы то ни было малой степени... Однако с твоим появлением в пределах нашего мира некоторые ле-

генды стали сбываться. Быть может, и в Камне Примирения есть... гм... какое-то зерно истины. Так или иначе, прими его в знак доброй воли, приведшей нас сюда, в это древнее и мирное место, никогда не осквернявшееся пролитой кровью.

— Длинно и путано, брат Ревнитель, — отозвался Леннар, — но я принимаю... Майорг О-кан, возьми у него...

Брат Эрриваан поднял руку, отдавая приказ тощему жрецу, снова извлекаемому Камень Примирения из-под облачения. Высоченная фигура Майорга О-кана совершенно заслонила тощего жреца от глаз Обращенных, лишь смотрящему с возвышения Леннару и его телохранителю Квану О были видны остриженный затылок и плечо тощего. Майорг протянул руку, тощий жрец подался навстречу. То ли его пальцы неудачно сжали грани Камня, то ли просто дрогнула рука — но только, не добравшись до широкой шестипалой кисти воина наку каких-то поллоктя, массивный многогранник выскользнул из руки храмовника и, тускло звякнув о каменный пол зала, раскололся надвое.

Тощий жрец окаменел. У него отвисла нижняя челюсть, когда он, вперив взгляд в пол, смотрел на изуродованный камень. Внутри него обнаружилась небольшая полость. Тощий жрец заморгал, но опытный физиономист, верно, смог бы определить, что в своем показном ошеломлении тощий храмовник несколько переигрывает. Могучий Майорг О-кан, которого происшедшее, по всей видимости, нисколько не смутило, сказал с тяжелой кривой усмешкой:

– Видно, твои боги, жрец Благолепия, не хотят, чтобы ты шел на примирение с Обращенными.

Тощий жрец попятился, как будто рослый наку с силой толкнул его в грудь. Майорг О-кан наклонился и, зажав в огромной кисти оба осколка Камня Примирения, произнес:

– Он еще и пахнет. Цветами какими-то, что ли...

– Цветами, – фыркнул насмешник Лайбо, – как на погосте...

У Орианы дрогнули брови. Леннар, все это время хранивший молчание и недвижимый, вдруг одним прыжком перемахнул через край платформы гравитолета и опустился на каменный пол рядом с Майоргом О-каном. Обычный человек при подобном маневре непременно сломал бы себе шею или по меньшей мере вывихнул ногу, но предводитель Обращенных проделал все с такой легкостью, словно его тело ничего не весило. Едва успев приземлиться, он выхватил обломки Камня Примирения из руки воина наку и поднес к глазам. Его ноздри беспокойно шевелились, улавливая исходящий из расколотой полости камня тонкий, едва уловимый запах, в самом деле похожий на аромат каких-то полевых цветов. Глаза Леннара стали темными, еще недавно наморщенный лоб разгладился, и тот, кто знал главу Академии чуть ближе, чем средний Обращенный, догадался бы, что Леннар уже понял, с чем он имеет дело и откуда взялся этот ласковый, тонко обволакивающий ноздри цветочный запах.

Кван О ударил всей ладонью по сенсорной панели пульта управления гравитолетом, и тот нырнул к самому полу, поравнявшись с одинокой фигурой Леннара, все так же державшего в ладони две половинки расколотого многогранника. У Квана О была тонкая интуиция, куда более тонкая, чем у его могучего младшего брата, и оттого он сразу же, не медля, раздвинул угрюмо сомкнувшийся ряд посланников Храма (те, кажется, пытались едва уловимо сопротивляться возмутительному нажиму наку). Две длинные руки рассекли воздух, и уже в следующее мгновение телохранитель Леннара вынырнул из проредившихся рядов посольства, держа в одной руке слабо трепыхавшегося тощего жреца, а другой крепко прихватив за плечо руководителя миссии Храма омм-Эрриваана. Последний, впрочем, попытался высвободиться, и, верно, возникло в лице гордого Ревнителя что-то свирепое и грозное, раз младший брат из клана О-рего, Майорг О-кан, вскинул свой плазмоизлучатель и выразительно потряхнул им, давая понять, что не поколеблется пустить оружие в ход в случае чего.

Леннар поднял голову.

– Что прикажете с ними делать, счастливый съор Леннар? – скороговоркой спросил Майорг О-кан, сдобрив свой вопрос крепким ругательством на родном языке. – Они... Что это?

– Помолчи, Майорг, – прервал его старший брат и занял выжидательную позу: подтолкнул обоих храмовников ближе

к главе Обращенных и, сложив руки на груди, упер правый кулак в свой крепкий подбородок.

Леннар произнес медленно и словно нехотя:

– Я считаю, что это дурной знак. Переговоры отменяются. Нет, не так. Переговоры переносятся. Через шесть дней потрудитесь явиться сюда же. В том же составе. И тогда разговор состоится. Но не сейчас. Только не сейчас.

И он устремил испытующий взгляд на бледного омм-Эрриваана, который, переступив с ноги на ногу и нервным движением поправив сбившееся от цепкой хватки Квана О облачение, сказал, уже не тая в голосе высокомерия:

– Вы же образованный *человек*. – Он выделил интонацией именно последнее слово. – Неужели и вы не чужды суеверий и темных варварских предубеждений? «Дурной знак»! Или ваше окружение влияет на вас не меньше, чем вы на них?

При этих словах Майорг О-кан сделал широкий шаг по направлению к старшему Ревнителю, и было видно, что он ожидает малейшего знака своего вождя, чтобы испепелить храмовников на месте. Но Леннар безмолвствовал и не шевелился. Более того, он даже опустил глаза, чтобы не смотреть на омм-Эрриваана. Наверное, он уже увидел все, что требовалось.

– Положи камень в контейнер, – наконец проронил он, адресуясь к Майоргу О-кану И, вскинув глаза, сказал омм-Эрриваану: – Здесь же. Через шесть дней. Если сможете... Я все сказал.

Послы Храма давно уже исчезли в тоннеле, а Леннар все еще не отдавал команды сниматься с места. В глубокой задумчивости он стоял у каменного стола, изредка касаясь рукой холодной пыльной поверхности и мизинцем выписывая какие-то замысловатые бессмысленные каракули. Уже трижды приближался Лайбо, желая вывести предводителя Обращенных из этой задумчивости, но зоркий Кван О всякий раз предостерегающе поднимал руку: дескать, не тревожь его, он сам знает, когда отдать соответствующий приказ.

– Ты думаешь об Элькане? – наконец не выдержал Лайбо. Леннар поднял голову:

– Что? Элькан? Да... в какой-то степени и о нем. Возможно, именно с ним будет связано наше спасение...

– Что? Спасение? – возвысил голос Лайбо.

На щеках Орианы проступил румянец, ее дыхание стало глубоким и учащенным, но она осталась на месте и не проронила ни звука. Прочие же Обращенные подступили ближе к Леннару.

– Спасение? – повторил Лайбо.

– Довольно пока... Не бери в голову, – в тон ему ответил Леннар. – Уходим. Теперь что касается возвращения... Едем все вместе. Садимся в один турболифт. Не рассредоточиваемся. По прибытии в отсеки Академии собираемся в третьем карантинном нефе. Всем все ясно?

У Обращенных вытянулись лица. Даже невозмутимый Аррун экспансивно взмахнул рукой, и в такт этому движе-

нию подпрыгнула его массивная нижняя губа. Ориана осталась недвижима. Кван О и высоченный Майорг О-кан сохраняли совершенное спокойствие: мужчины из клана Желтой Лягушки славятся своим хладнокровием.

Весь обратный путь не было сказано ни слова. Если у кого и возникало желание все-таки выяснить, чем вызвана необъяснимая отмена переговоров, на которых настаивал сам Леннар, если кто-то и хотел уточнить, к чему этот сбор в карантинном нефе номер три, так стоило лишь мельком взглянуть на каменное лицо предводителя Обращенных, чтобы словесный зуд тотчас же улегся с ворчанием и трепетом, как трусоватый пес при приближении более сильного собрата...

Леннар настоял на том, чтобы прибытие в технологические отсеки Корабля, где базировались Обращенные, произошло втайне даже от собственных соратников. Теперь уже вопросов никто не задавал: стало очевидно, что дело серьезное и что без причины вождь никогда не станет прибегать к таким уловкам и предосторожностям.

В карантинном помещении собралось девять человек, все те, кто принимал участие в посольской миссии: сам Леннар, с ним – молчаливая и задумчивая Ориана, затем глава информационной сети Академии Лайбо, братья Кван О и Майорг О-кан, могучие и невозмутимые; высокоученый Аррун из Ганахиды; Бер-Кун-Дак, наладчик памятных машин, уроженец славного королевства Кринну из знаменитого и таинственного города Дайлем; тун Гуриан, знаменитый мечник и

стрелок, родом из славной Беллоны, как поговаривают, едва ли не превзошедший в благородном ратном искусстве самого Квана О (если не сказать шепотом – самого Леннара). Последней же следует назвать Гвейду, женщину-воина из Ланкарнака, славившуюся своей неуловимостью и отвагой, позволившими ей совершить не одну вылазку в стан врага.

Однако сейчас все эти разумные и смелые люди молча смотрели на своего вождя и вдохновителя и ожидали, что он скажет.

Леннар не делал долгих пауз. Ожидание и так затянулось.

– Я должен сообщить вам, – заговорил он, – что мы поставлены в чрезвычайно трудное положение. Главным виновником признаю себя. Я должен был предусмотреть, что Храм хранит немало древних артефактов, которые в любой момент могут быть извлечены из его недр. Даже такие хрупкие и опасные, как этот пресловутый Камень Примирения. Омм-Эрриваан говорил правду. Кроме того, он, я в этом уверен почти совершенно, не знал об истинной природе того, что он с такой постной миной вознамерился вручить нам в знак примирения. Камень Примирения – это не что иное, как ампула амиацина-пять, которая хранится у Ревнителей, верно, все полторы тысячи лет с момента вылета Корабля с Леобеи, нашей старой родины. Я узнал *геллианит*, единственный материал, который способен хранить в себе амиацин. Именно из геллианита сработан Камень Примирения, и неудивительно, что он раскололся, потому что геллианит

чрезвычайно хрупок. В свое время амиацин-пять вызвал гигантскую эпидемию, пандемию, в результате которой погибло больше половины командного состава «Арламдора». Уцелели очень немногие – либо те, кто пошел на службу к предшественникам нынешних Ревнителей, жрецам Купола, либо...

– Либо?..

– Либо те, кто позволил себе обезвредить амиацин-пять несколько иным способом, – вымолвил Леннар. – На самом деле у амиацина нет противоядия. Никакого противоядия. Даже тот, кто принял антидот из рук жрецов, спустя некоторое время умер в страшных муках. Противоядие лишь несколько замедлило действие яда. Правда, есть иные предположения, как и отчего выжили те немногие, кто был заражен... Но, думаю, истина куда более жестока, чем хрестоматийные рассуждения Храма о том, что сумели исцелиться лишь те, кто уверовал. Так что...

– Но как же?.. Неужели мы все... – медленно выговорил весельчак Лайбо, и его обычно насмешливое и живое лицо помертвело. – На самом деле нет противоядия, а если и есть, то запрятано где-то в этих проклятых подвалах Первого Храма?

У Орианы начали дергаться губы. Верно, она с трудом сдерживала слова, готовые сорваться с уст. Она даже приложила ладонь к нижней половине лица, словно ее рот и подбородок были обезображены. Леннар, не глядя на нее, про-

должил:

– В свое время я и Ориана уже были инфицированы амиацином пятого поколения. Мы сумели излечиться. Это страшный путь. Не скажу, что единственный, но другого я в то время не знал... как не знаю и сейчас. Один великий ученый поместил нас в саркофаги, поддерживавшие жизнь в нашем теле, но затормозившие все биологические процессы до состояния полного коллапса. Распад свободного амиацина занимает около семисот лет. Собственно, именно так, в ожидании нейтрализации яда, мы с Орианой прошли сквозь эти неповоротливые толщи веков и обнаружили, что наши имена уже стали священными... Вы видите, я совершенно откровенен.

– Да, – сказал Аррун из Ганахиды, – откровенен, счастливый съор Леннар... как с теми, кто уже обречен. Значит, мы заражены этим... амиацином?

– Да.

– Это точно? Тут не может быть... какой-нибудь ошибки, заблуждения? Отчего они так смело пошли на этот шаг? А они не боятся эпидемии? Если эта маленькая капсула, треснув, мгновенно заразила столько людей, то...

– У амиацина пороговое действие. Сам первичный препарат заражает мгновенно. Для того чтобы инфекция перешла от одного человека к другому, требуются дополнительные факторы воздействия. И время. Довольно много времени. Амиацин пятого поколения – оружие точечного пораже-

ния, и эпидемия или тем паче пандемия может разразиться только при строго заданных условиях. Если даже Храму Боголепия и известна до сих пор эта убийственная рецептура, на эпидемию он не пойдет. Не верю!

– И что же, нет... нет противоядия?

– Никакого.

– И... и даже ты?.. Ничего не?..

– Я много раз говорил, что я не всемогущ. Хотя многие из Обращенных хотят считать иначе!

– Но ты... счастливый съор Леннар... упоминал... что ты уже был заражен и... и исцелился. Кто тот человек, тот великий ученый, который?..

– Кто тот человек?!

– Мы хотим знать!

Все подобралось ближе к своему предводителю, сгрудились вокруг него, кто-то даже протянул руку, чтобы коснуться Леннара, словно такое прикосновение непременно усилит надежду и напоит ее новым теплом. И только Ориана, которая знала ответ на вопрос, закусил губу и зябко съежила плечи.

– Кто?

– Кто этот человек?

– Говори, счастливый съор Леннар!

Из чьей-то груди вырвалось хриплое дыхание, рваный кашель. Леннар холодно улыбнулся и обронил:

– Элькан.

...Сын Неба своевременно узнал обо всем, что произошло в Круглом зале. Нельзя сказать, что на его лице появилась удовлетворенная улыбка. Храмовникам в таком высоком сане вообще возбраняется улыбаться. Верховный предстоятель смотрел на застывшего перед ним омм-Эрриваана и глухо бормотал себе под нос:

– Ну что же... мудрый брат, лазутчик омм-Алькасоол, предложил рискованный шаг... Но вдруг этот древний яд в самом деле поразит Леннара и его близких, так что все Обращенные бунтовщики увидят: он такой же, как и они, уязвимый и смертный? И тогда... Я хорошо знаю людскую породу: подданные скорее простят своему владыке жестокость и потоки крови, чем слабость и потоки слез... Долго ли проживешь ты после этого, о Леннар, тщющийся стать *богом*?..

Глава третья

Волею судеб

*Планета Земля, Россия, Подмосковье,
сентябрь 2007 года*

Честное слово, Костя Гамов был чрезвычайно мирным человеком. В тот самый момент, когда Господу Богу заблагорассудилось поднять свою тяжелую морщинистую длань и приложиться ею хорошенько по этой темноволосой, модно остриженной головушке, наш герой был на природе и в общем-то никому не мешал. Сидя на берегу неглубокого, по берегам облепленного низеньким камышом водоема, он наблюдал за полетом стрекоз, устроившись на разлапистой шершавой коряге и окунув ноги в прохладную осеннюю воду. Нет надобности лишний раз подчеркивать, что похмелье было полновластным хозяином Костиного организма. В некоторой степени абстинентный синдром был смягчен пивом, несколько пустых и полных бутылок которого впере-мешку стояли тут же, на бережку. Ну а с другой стороны, имеет ли право на приватный отдых молодой человек, которому три дня назад все-таки исполнилось двадцать девять лет? Имеет. Еще как имеет. Ух!..

Стрекоза, как маленький вертолет, со стрекотанием, царапающим слух, спикировала прямо на Гамова и, ловко разминувшись с его худым плечом, зависла над поверхностью тихой заводи. Гамов поморщился и стал водить большим пальцем ноги по неподвижной воде. Легкие концентрические волны пробежали по поверхности водоема. Наблюдая

за ними, Гамов неожиданно для себя задался вопросом: а что происходит там, под тусклым зеркалом темного и тихого озера, под спудом тяжелых и неподвижных илистых вод, среди скользких придонных корней, в переплетении слизистых водорослей? Осознают ли те, кто обитает там и только там, что существует мир и вне пределов заболоченной заводи, за ветвями ленивых прибрежных ив? Могут эти пучеглазые лягушки, жучки-водомерки, жирные головастики и сонные пиявки хотя бы почувствовать, что их болото не одиноко во Вселенной? Найдется ли среди них инакоквакающая жаба-философ, которая, сидя в мутной илистой воде и уставив перед собой неподвижные выпученные глаза, взглядом высверлит тоннель в другой мир? В лес, в луга, в дымящиеся города людей, которые так же непостижимы для нее, как для человека непостижим, страшен и черен космос? Гамов качнул головой и сплюнул. Какая ерунда лезет в голову... Впрочем, подобное рефлекслирующее мозговое усилие крайне характерно для людей, похмеляющихся на природе в гордом одиночестве.

На берегу меж свисающих к воде ветвей ив появился Казак. Он был в пиджаке, но без штанов. В руке держал полторалитровую пластиковую бутылку, наполовину заполненную пивной пеной. Он иронично посмотрел на Константина и произнес насмешливо и чуть нараспев:

– Опять размышляешь над брэнностью, вечностью и прочей хреновиной? Странно, что такие размышления совпада-

ют с запоями, а в приличном виде ты думаешь только о бабах и иногда о работе. Да и вчера был хорош... Поймал в спичечный коробок жука и слушал, как он долбится о картон и жужжит. Ты говорил, что, быть может, это насекомый Байрон в темнице сознания, слагающий сагу о свободе. Слава богу, Катька вовремя тебе дала...

– Тебе чего надо? – спросил Гамов, не поднимая головы.

– Я думал, у тебя пиво кончилось.

– Если бы кончилось, я бы обратно в дом пришел.

– Тоже логика, – охотно согласился Казаков. – Ну ты давай, откисай, а лучше к нам возвращайся, не строй из себя лорда-изгнанника с высшим образованием. А то последний день выходных. Завтра на работу...

Гамов перекривил лицо так, словно только что раскусил одну из наблюдаемых им перед этим стрекоз и нашел ее весьма далекой от высоких гастрономических стандартов.

– Не напоминай, – отозвался он. – Честное слово, как припомню кирпичную гэбэшную харю своего шефа, так хочется встать на колени...

– Ого! Какое уважение к начальству!

– ...сунуть в рот два пальца и вывернуть себя наизнанку.

– М-да... А что ты тогда вообще пошел в эту контору?

– А как иначе? С предыдущей работы меня уволили с такой рекомендацией, что по прямой специальности больше толком и не поработаешь... Хорошо, подключился дядя и все-таки в кое-то веки помог... Теперь вот расхлебываю.

Впрочем, — спохватился Гамов и впервые взглянул на хитрую физиономию Казакова, прихлебывающего пенный напиток, — довольно. Я это... скоро приду. Две бутылки вот... осталось... Так что... А что это, Антоха, у тебя такой вид... министерский? — Он подозрительно взглянул на изящный однобортный пиджак приятеля, чрезвычайно гармонировавший с трусами-«семейками», лопнувшими на заднице. — Мда...

— Здоровье берегу, — отозвался Казаков. — Джинсы яйца натерли.

— Давно предлагал совместить пост министра здравоохранения и министра ликеро-водочной промышленности, — непонятно к чему сказал Гамов.

— А что, есть такой министр? — ехидно поинтересовался Казаков.

— В России-матушке пора бы и ввести такой пост!

Казаков чуть повел плечом:

— Это верная мысль. Костян, может, все-таки к нам бухать? А то пивом душу не обманешь, как говорит Шурик Артеменко!

Гамов сделал неопределенный жест, словно желая сказать: а утопись ты в болоте, сука, со своими предложениями и половицами, пропагандирующими пользу алкоголизма. Казаков только ухмыльнулся лукаво и, пятясь, исчез в хитроумном сплетении шевелящихся ивовых ветвей. Гамов же вернулся к созерцанию вод и населяющей их живности. Он не

слышал, как Казаков, который повстречал неподалеку от берега пруда еще одного приятеля, говорит ему – серьезно, без намека на ерничество и игривый шутовской тон:

– Не пойму я что-то... Вот ты, Шурик, знаешь его относительно недавно, но ведь я-то знаком с ним больше десяти лет!

– И что?

– А то! Я ведь помню, каким он был четыре или пять лет назад. Другим... У него... ну как тебе объяснить?.. какой-то внутренний стержень вынули, что ли. Ну после дурацкого обвинения чуть ли не в убийстве... и еще... Не грей посуду! Давай сюда бутылку!

– То есть ты хочешь сказать, Антоха, что?..

– Да не хочу я ничего плохого про Гамова говорить. Хороший он парень. А раньше и вовсе большие надежды подавал, сотрудничал в изданиях с мировым именем, даже поработал на федеральном телеканале и едва не пробил свой сольный проект там. Что помешало, я уж не припомню, но наше телевидение – это ж как пауки Спинозы в банке. Так сам Гамов и говорит. Мне вот кажется, что ему в один прекрасный момент стало неинтересно жить. И топчется он на одном месте или сидит, как вот сейчас, на берегу одной и той же гнилой лужи, не видит смысла в дальнейшем росте и продвижении. Не ищет воли к этому.

– Да ты философ... – одобрительно отозвался Шурик. – В тебе умер Шопенгауэр.

Друзья ушли на дачу. Гамов же продолжал сидеть на берегу... После очередного глотка пива мир вдруг прояснился до ошеломляющей, ломящей глаза ясности, и только тут, встав на ноги и оставив насиженную корягу, Костя Гамов понял, что снова пьян. Да, завтра на работу. Да, завтра опять будет похмелье, будут недовольные лица сотрудников и суровый взгляд дяди Марка, свирепого повелителя пробирок и синхрофазотронов, как именовал его ироничный Антоха Казаков. Дурацкая работа... Вялое существование. Где они, бывшие перспективы, мать их?.. Да и не хочется их, да. Как там у Есенина: «Смешная жизнь, смешной разлад. Так было и так будет после...»

Костя Гамов бросил свое тело в сторону, едва не потерял равновесие и, ввалившись в ивняк, который несколькими минутами ранее проглотил бесштанного Антоху Казакова, нащупал тропинку, ведущую к даче. На даче сейчас, верно, весело. Девчонки опять напились, и кто-то, уж будь уверен, танцует стриптиз на столе. И никого даже не смущает, что позавчера Ленка Курилова свалилась с упомянутого стола и проломила свою не бог весть какую башку.

Хорошо еще, что соседей не наблюдается. Соседи, если по чести – редкие сволочи. Особенно старуха Кавалерова по прозвищу Холера, которой, правда, уже второй год не видать – может, померла, к общей радости родных, близких, соседей и всех тех, кто имел несчастье хоть раз подойти к ней ближе чем на тридцать метров. Есть еще алкаш Сайдуллин,

спившийся кандидат технических наук, в трезвом виде совершенно невыносимая скотина. Впрочем, Гамов давно привык, что на него косятся вот уже который сезон и стараются не разговаривать. Наверное, дурные компании у Кости на даче собираются и ломают тихий и размеренный быт рядовых дачников, куда там...

Собственно, Гамов никогда не был склонен к иллюзиям. Его сотрапезники, друзья и собутыльники в самом деле (в который раз!) отмечали последний выходной день по полной, если не сказать – расширенной, программе. Уже за сто метров от дачи слышалась разухабистая какофоническая музыка (одновременно из музыкального центра и аудиосистемы 5.1, подключенной к DVD-плееру). Два музыкальных источника находились в страшной оппозиции друг к другу. Из одного, нежно журча, истекала волшебная мелодия бетховенского «Письма к Элизе» в фортепианном исполнении Ричарда Клайдермана. Другой аудиоисточник, надрываясь, бешено орал о трагической истории кота и его репродуктивных принадлежностей:

Я кота-а отнес на свою беду,
И хозяйство врач отрубил коту,
Ходит он сейчас, словно пи-идарас,
На меня глядит, жалобно пищит:
«Где-е-е же вы, где-е, яйца пушистые?
Ве-те-ри-нааааар – сволочь фашистская!»

Остаток биографии несчастного кота Костя Гамов дослушивал уже в канаве, куда он упал на последних метрах пути к даче, наворачнувшись через брошенную каким-то садово-огородным интеллектуалом тяпку.

На даче его в самом деле ждало светопреставление. Женя Ежов по прозвищу Превед Ежег чинил телевизор. Он лежал под столом рядом с упомянутым телевизором и, откинув заднюю панель, рылся во внутренностях несчастного телевизионного приемника то куцей отверткой, обмотанной изолентой, то обшарпанным хвостом сушеной воблы. Последнее было вернее... Телевизор дергался и искрил. Женя старательно вытирал пот со лба волосами лежащей тут же, под столом, Кати Глазковой. В этой благородной миссии – если точнее, починке телевизора – ему помогал все тот же Антоха Казаков, который кидался в пустой черный экран тремя разноцветными лифчиками, черным, красным и белым.

Из форточки торчали чьи-то ноги. Оказалось, что это толстый Дима Филиппов вознамерился выйти из дачи вот таким экстравагантным манером, но помешали излишки жира. Дима дергал коротенькими толстыми ножками и вопил, но никто не обращал на него внимания. Вдребезги пьяная парочка играла в шахматы на раздевание. Рябой Астафьев надел на голову черный чулок и выдавал себя за арапа Ганнибала, предка небезызвестного А. С. Пушкина.

– Пир духа, – выразительно высказался Гамов, вползая на порог. – Соседи еще не приходили?

– Мы и соседям налили, – отозвался Шурик Артеменко, упитанный молодой человек, самокритично именующий себя свиноящером. – Гена в кладовке спит.

– Гена – это депутат от КПРФ, что ли? Сосед мой?

– Сосед! А я что говорю?

Из-под стола, вплетаясь в надрывные вопли про несчастного кота и в который раз запустившуюся с самого начала чудесную мелодию «К Элизе», посыпался какой-то треск, обрывочные хрипы, а потом бархатный баритон произнес: «Второй день... кгхррррм... ученые ищут объяснение... хврррр!.. НАСА объявило... хшшшш... профессор Гарвы-ыардского университета и российский уч... че... Пшшш!» Мгновением позже из-под стола показалась довольная физиономия Жени Ежа. Он сказал:

– П-починил. Там, правда, один канал только показывает. Метровые тут не ловятся, только РТР... Костян, помоги вытащить телик...

– А как он туда закатился? – пробурчал Гамов, вытягивая теплое тельце несчастного телевизора из-под стола вместе с Катей Глазковой.

Последняя, приняв Гамова за свою бабушку, начала путано излагать версию касательно того, отчего она, добропорядочная внучка, так набралась...

Телевизор водрузили на колченогую тумбочку. Гордый своим мастерством телемастера Еж щелкнул древним тумблером и, не удовлетворившись качеством выскочившей на

экран безъязыкой черно-белой картинкой, с силой врезал кулаком по верхней панели «ящика». Это, как водится в России, тотчас же возымело действие: на экране появился многоцветный диктор и заговорил о коррупции в верхних эшелонах власти. Еж вырубил осточертевшую песню про кота и приглушил бесконечную бетховенскую «Элизу», поставленную на повтор. Он плеснул водки себе, Гамову и Антохе Казакову и сказал:

– Ну вот. А говорили, не покатит.

– Да это ты случайно починил. Наугад ткнул куда надо, и вот результат.

– Наугад ткнул и результат – это ты в роддоме будешь акушерке говорить, – парировал Гамов, который определенно принял сторону Ежа. – Что касается случайности, то вообще нет ничего более закономерного, чем случайность, это всем известно, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией вероятности. И вообще, есть такая поговорка... Еще давай лей, куда ты экономишь?.. Есть такая поговорка: случай – псевдоним бога. У меня был приятель, находившийся в особых, я бы даже сказал – интимных отношениях со случаем. Звали его Ваня Кульков, лимитчик из села Синенькие. Так вот этот синенький Ваня Кульков страдал суицидальным синдромом в особо тяжелой форме. Попытки свести с собой счеты странным образом совпадали с запоями... Однажды Ваню выгнали из университета за пьянство и растление дочери завкафедрой. Ваня выпил и пошел прыгать с моста. Выбрал самый

высокий пролет и сиганул вниз. И надо же так тому случиться, что как раз в этот момент, как Ване приспичило топиться, из-под моста вынырнул пароходик. Ваня свалился прямо на тент, растянутый над верхней палубой, сломал две стойки, опрокинул стол, за которым бухала какая-то компания, и провалился в люк на нижнюю палубу. На нижней палубе прихорашивались три девицы в купальниках. Ваня свалился прямо на них, одна из девиц сломала руку, вторая стала зайкой, а у третьей начались преждевременные роды. И все это в одной обойме! Ваню выволокли на верхнюю палубу, отметили, поставили на бабло и сказали, чтоб он и не думал о самоубийстве, пока не расплатится. Ваня продал дедушкин гараж... Второй раз его бросила телка. Если бы я был девушкой, я бы тоже бросил Ваню и уехал на полюс, к тюленям и северному сиянию, лишь бы синенький Ваня Кульков меня не нашел. Узнав, что его бросили, Ваня решил отравиться. Раздобыл реланиума и феназепама, приготовил, чтобы выпить... А у Вани была бабушка. Она и так огорчилась, узнав, что внучек продал за долги гараж, а тут еще у нее возникли проблемы с кишечником... Короче, она перепутала лекарство и выпила реланиума, а Ваня сожрал целую упаковку бабушкиного слабительного, ибо был пьян, как сорок тысяч братьев, и не просек разницы... Что с ним было – Везувий отдыхает! Потом он еще пробовал вешаться, упал с табуретки и сломал ногу. Бросался под трамвай, но вагоновожатый успел затормозить, вышел и набил Ване морду... Потом

Ваня Кульков поумнел и решил жениться. В этом он даже преуспел, но вот на третий день счастливого медового месяца вздумалось ему передвинуть шкаф. У шкафа отломилась ножка, он упал на ликующего новобрачного и придавил его насмерть... Вот и говори после этого о случайностях! – закончил Костя Гамов свой рассказ.

Толстый Дима Филиппов, торчавший в форточке, тихо всхлипывал от смеха... Казаков сказал:

– Да уж. Судьба.

Шурик Артеменко, меланхолично восседавший на старой швейной машинке, заметил с фальшивым смирением:

– А что, может, хватит бухать, ребята? Мне уже разная чертовщина мерещится. Вчера перепутал сундук с собакой Баскервилей. Я, конечно, понимаю, Костя, что двадцать девять лет – это круглая дата, но тем не менее...

Говоря все эти бездуховные вещи, кандидат экономических наук г-н Артеменко мерил взглядом гордую когорту пустых бутылок, стоявших на столе, под столом, на тумбочке, на подоконнике, на пыльных антресолях и на спине какого-то разбитного индивида, вторые сутки спавшего на двух сдвинутых табуретках.

Гамов сказал:

– Ладно... Завтра все само собой прекратится. Надеюсь, что меня не уволят. Точнее, я, наоборот, надеюсь, что меня уволят, вот только не особо хочется огорчать дядю Марка. Все-таки он помог, устроил... Гм...

Казаков, который в этот момент вдруг осекся, прервав непрерывный поток своего трехсуточного красноречия, издал короткий горловой звук, такой, словно сломался сток в унитазе, и пробормотал:

– Нет, Шурик прав. На самом деле пора завязывать... Вам то же самое слышится, что и мне?..

Вся троица уставилась в экран. Восприятию не мешал даже храп индивида на табуретках и взвизги парочки, играющей в шахматы на раздевание. В углу экрана появилось знакомое каждому со школьных уроков астрономии изображение Луны, на круглой серой физиономии которой были видны не только знакомые оспины кратеров и лунных морей, но и маленькая веретенообразная тень. Тень отбрасывалась неким объектом, и даже при самом невнятном и пьяном восприятии невозможно было не определить его *искусственное*, рукотворное происхождение. У диктора была суровая и сосредоточенная физиономия, когда он зачитывал:

– Вчерашняя сенсационная информация подтверждена сразу из нескольких источников. Распространено заявление компетентных лиц, представляющих НАСА... Несколько российских и европейских обсерваторий... Объект, который никак не может являться метеоритом или ядром потухшей кометы, затянутым в поле тяготения спутника Земли... – (Костя Гамов залпом выпил стопку водки. Звуки расплывались в ушах, жужжали веретеном. Откуда-то сверху, как черная тень неведомого, наплывал животный, первород-

ный страх.) – Согласно первоначальным расчетам астрономов, масса покоя объекта, обнаруженного на геостационарной орбите Луны, составляет...

Картинка запрыгала и сбилась, а с ней пропал и звук: это Еж, взмахнув рукой, зацепил кабель антенны. Впрочем, он попытался воткнуть штепсель антенны обратно в гнездо, и до определенной степени это ему удалось: картинка и звук появились снова, однако же изображение портилось помехами, мелкими и шустрыми, как рябь на осенней воде, а звук подпрыгивал, скрипел и дребезжал. Удалось разглядеть постную рожу какого-то важного деятеля ООН, с пафосом говорящего: «Мы вступаем в новую историческую эпоху... Хвррр!.. Нет сомнений, что... бз-з-з!.. хал... ббе... многие годы существование инопланетного разума подвергалось... бллль... бум!»

Экран потух. Все оборвалось. Друзья смотрели друг на друга. Казалось, было слышно, как потрескивают, словно лампы древнего советского телевизора, их мозговые извилины.

– Допились, – сказал лицемерный Артеменко, – до инопланетян. Я же говорил: хватит!

– Ладно, – сказал Костя Гамов. – Бред сивой кобылы...

– Тебе про бред виднее, Костян. Недаром в свое время в дурке стаж набатывал...

– Ты давай мне тут за базаром следи!

– Молчу, молчу. Я думал, что ты к тому своему приклю-

чению, когда тебя в психушку заправили, уже по приколу относишься.

– Ну чё вы сцепились? – вмешался Казаков. – Выпейте вот за примирение. Ну и, наверное, пора бы укладываться. Завтра утром вставать и валить в город ни свет ни заря. Мне к девяти... Пойду проверю, как там машины. А то мы вчера на капоте прыгали, как бы не продавили. Ну да. А Шурик поехал кататься и упал в кювет. Два раза перевернулся – на самом ни царапины, а стойки салона погнул!

– А что ты на меня гонишь? – недобро улыбнулся кандидат экономических наук, отрываясь от пересчета опустошенных бутылок. – Это ж моя машина! Что хочу, то и гну!

– Ну-у-у! – в рифму прогудел неугомонный Казаков. – Если б это моя машина была, я б тебя в пруду утопил, где сегодня Костян давил из себя Чайльд Гарольда в изгнании!

На этом дискуссия и завершилась. Костя Гамов пожелал друзьям и собутыльникам спокойной ночи и вышел во двор. Он еще не знал, что этой ночи не суждено быть *спокойной*.

Как и многим другим ночам, последовавшим за этой.

Луна выбелила верхушки деревьев, длинными клиньями света улеглась в траве, косо взрезала крышу дачи. Далеко, за массивом смешанного леса, прыгали голоса лягушек. Ночной сверчок тянул свою заунывную песню. Тени, тени широкие и узкие, длинные и громоздко-неуклюжие, отслаивались от стволов деревьев, напрыгивали на голый асфальт, которым был укатан пятачок перед гаражом гамовской дачи. Костя сидел на низенькой скрипучей лавочке и курил сигарету. Вообще-то он не был любителем никотина, но выпадали такие тревожные вечера и бессонные ночи, когда зажатый в губах мятый фильтр казался панацеей, а запах табака оглушал, окутывал сизым облаком и ложился на расстроенные нервы, как пальцы опытного настройщика на струны вдрызг разлаженного инструмента.

Гамов перевел взгляд от собственных босых ног с грязными пальцами (верно, еще на болоте изляпался) на неполный диск луны, и вдруг почудилось, что на ее увесистом и довольно, сыто, как у Шурика Артеменко, светящемся лице проступило неясное темное пятно. Вытянутое, размытое, с подрагивающими контурами...

– Д-допился! «И на Марсе будут яблони цвести...» Гм... Черт!

У самых ног прошелестела в траве ящерица. Костя ото-

рвал взгляд от ущербной луны и прикрыл глаза веками. Нервы, что ли?.. У Гамова было плохое предчувствие. Нет, он мог прекрасно замотивировать, откуда, из каких похмельных глубин тянется эта смятая душевная дрожь, пережимающая желудок и дергающая запястья и икры. В конце концов, любой организм может совершенно выбрать резерв своей прочности и дать наконец сбой. Особенно в таком дурдоме... Стараясь отвлечь себя от навязчивой идеи неведомой опасности, Гамов стал перебирать в мозгу все то смешное и забавное, что имело место за последние трое суток, а этого смешного было ох как много!..

На воспоминании о том, как толстый Дима Филиппов подрался с коровой из соседней деревни, Костя Гамов поднял голову. Из каждой древесной кроны, из каждого темного прогала на остывающей земле смотрела на него завораживающая тысячеглазая тьма. И вот – звук... Дальний звук, нарастающий, приближающийся... Гамов встал, когда понял, что это звук двигателей. На нескольких машинах приближались к его, Костиной, даче.

Гамов вскочил, словно подброшенный невидимой пружиной. Он подбежал к своей выдавшей виды «Ниве» и, открыв дверцу, бухнулся на водительское сиденье, не зажигая света. Звук моторов усилился и обрушился прямо на бедную головушку Гамова, когда у разгильдяйски приоткрытых ворот дачи остановились темная «Волга» и следующий за ней маленький серый автобус. Гамов инстинктивно вжался в крес-

ло, и тотчас же дверца автобуса распахнулась и из него, бесшумные, словно тени, один за другим стали выпрыгивать люди. В масках, в камуфляже, с автоматами наперевес. Гамов почувствовал, как на его затылке шевелятся волосы... Допился? Сначала бессмысленное сонное сидение на берегу водоема, потом сообщения об НЛО и лунных инопланетянах, сама испорченная луна, подпрыгивающая перед глазами, а вот теперь – невесть откуда взявшаяся группа захвата на даче? СОБР? У него на даче? С какого недо... пере?... Неужели в самом деле ему снятся сны, липкие, бессмысленные, впитавшие в себя весь диковинный, веселый ужас последних трех суток? Где та тонкая грань, которая отделяет реальность от вымысла и бреда?... Гамов сполз по спинке водительского кресла так, что коснулся лицом руля, и рука, машинально скользнувшая в бардачок, извлекла оттуда проклятую бутылку...

Дверь дачи вылетела так же легко, как созревшая редиска из влажной и хорошо разрыхленной земли. Вышедший из «Волги» человек в гражданском поднял руку, и собровцы ворвались в дом через обнажившийся дверной проем, через окна, через боковую дверцу на веранде. Зазвенело разбитое стекло, раздались чей-то протяжный вопль и хрип, а потом до неузнаваемости исказившийся голос, в котором тяжело было признать вальяжный тенор Антохи Казакова, проорал хрипло и беспомощно:

– Да... да вы чё, м-мужики?... Я... м-мы... о-о-о-ой, б...

а-а!..

– Этот? – громко спросил кто-то. По всей видимости, человек в гражданском, который и руководил всей операцией.

– Нет, – ответили ему.

– А где твой дружок?

– Кто? – прохрипел Казаков.

Сидящий в машине Гамов вдруг понял, чью фамилию сейчас назовет собровец. Нет, не сон. Никакой это не сон, как не снится ему ключ зажигания, беспомощно запрыгавший в руках.

– Где Гамов, б...?

– Г-гамов? Костя? А он вам... ох-х! Да во двор куда-то вышел... кажись... или...

Константин более не медлил. Пока одурманенный мозг еще принимал непростое решение, рука машинально воткнула ключ в зажигание... Машина завелась. Тотчас же из дачи вылетели двое, но Гамов, сорвав машину с места, протаранил воротину и вылетел на дорогу.

– Стоя-а-а-ать!..

Гамов даже не думал о том, с чего он вдруг может понадобиться этим ночным визитерам – он, человек законопослушный и в общем-то порядочный. В иной ситуации, в частности будучи в трезвом виде, он, несомненно, подошел бы к вопросу более взвешенно и хладнокровно. Но сейчас колело в боку, по лбу тек пот, а там, позади, в черном зеве ночи, припорошенной лунным светом, бился крик:

– Стоя-а-ать!

Сухо прострекотала автоматная очередь. Гамов вдавил педаль газа до упора, и колеса, пронзительно взвизгнув и выбив из влажной после недавнего короткого дождя почвы целые снопы грязи, резко сорвали машину в ночь. Туда, к асфальтовой дороге в ста метрах от дачи.

– За ним!!!

«Волга» тронулась с места и, вихляя по размокшей грунтовой дороге, рванула в погоню за незадачливым хозяином дачи.

...Возможно, Гамову – на свою беду! – и удалось бы уйти. Или еще хуже – его настигли бы, применив оружие, и тогда только Бог и все его небесные заместители знают, что могло бы произойти с горе-беглецом. Но, так или иначе, развязка этой дурацкой гонки оказалась куда более близкой, чем мог ожидать Гамов и даже его преследователи.

Все кончилось на небольшом мосту через довольно глубокий грязный овраг, по дну которого протекала мелкая извилистая речушка. Вероятно, Костя Гамов попросту не справился с управлением или в запале гонки неудачно повернул руль, но только машина вылетела на полосу встречного движения – и попала прямо в лоб тяжеленному «КамАЗу», груженному кирпичом. Непонятно, куда и по каким надобностям направлялся грузовик в такое время, но прихотливый случай, о котором так много было сказано, снова вступил в свои переменчивые права. Гамов ударил по тормозам, одно-

временно выворачивая руль; метнулось перед лобовым стеклом что-то невероятно огромное, и в следующую секунду гамамовский джип «Нива-Шевроле» отлетел в сторону и, ломая провисшие арматурные перила моста, повалился в пролом и ухнул в протекающую тремя метрами ниже речушку. Шлейф пепельно-белых в сомкнувшихся сумерках брызг вырос над захлебнувшимся водной стихией джипом, и его начало стремительно засасывать. Под весом полутора тонн металла, резины и пластика дно речушки, состоящее из рыхлых глинистых пород, размытых в грязь, просело и начало вбирать машину, как трясина засасывает нечаянно попавшего в нее рассеянного путника. Оглушенный Костя Гамов с разбитым лицом и с таким ощущением в груди, словно ему меж ребер засадили железный лом, ударом ноги выбил дверцу и вывалился наружу. Он добрался до берега, где его уже ожидали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.